

От автора бестселлеров *New York Times*

МЭГГИ СТИВОТЕР

КОРОЛЬ ВОРОНОВ

18+

Young Adult. Бестселлер Мэгги Стивотер

Мэгги Стивотер
Король воронов

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Стивотер М.

Король воронов / М. Стивотер — «Эксмо», 2016 — (Young Adult. Бестселлер Мэгги Стивотер)

ISBN 978-5-04-157150-4

Продолжение культовой книги «Воронята», лауреата престижной премии Michael L. Printz, которая вручается за лучший молодежный роман. Роман «Воронята» – это: Лучшая книга года по версии Publishers Weekly. Лучшая книга года по версии New York Times. Лучшая книга года по версии Kirkus Reviews. «Чей-то голос шепнул ему в ухо: «Ты будешь жить благодаря Глендауэру. Кто-то на силовой линии сейчас умирает, хотя не должен. Поэтому ты будешь жить, хотя не должен». Он умер – но не сумел остаться мертвым. Он был королем». Многие годы Ганси провел в поисках утраченного валлийского короля. Одного за другим он втянул в эти поиски своих друзей. Ронана, который умел выносить предметы из снов. Адама, чья жизнь больше ему не принадлежала. Ноя, чью жизнь и жизнью-то нельзя было назвать. И Блу – девушку, что любила Ганси всем сердцем, но которой было предначертано... его убить. Теперь, когда поиски подошли к концу, а мечты и кошмары объединились против них, друзьям предстоит решиться на самый страшный шаг в их жизни».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-157150-4

© Стивотер М., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	7
1	9
2	15
3	19
4	24
5	27
6	31
7	35
8	42
9	46
10	50
11	53
12	57
13	61
14	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Мэгги Стивотер

Король воронов

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Саре, отважно занявшей Гибельное Место.

Спать, плыть и видеть сны – навеки.
ЭЛДЖЕРНОН ЧАРЛЬЗ СУИНБЕРН. «СОН ПЛОВЦА»

*Те знаменья отметили меня
Отличным от других. И все течение
Моей дальнейшей жизни подтвердило,
Что я не из людей обыкновенных¹.*

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР. «ГЕНРИХ IV»

Любимый, композитор ступил в огонь.
АННА СЕКСТОН. «ПОЦЕЛУЙ»

¹ Пер. Н. Минского.

Пролог

Ричард Ганси Третий уже сбился со счета, сколько раз ему говорили, что он рожден для величия.

Так его воспитали – благородство и целеустремленность с обеих сторон родословной. Дед Ганси по матери был дипломатом, архитектором судеб; дед по отцу был архитектором, дипломатом стилей. Бабушка по матери обучала детей европейских принцесс. Бабушка по отцу на собственные деньги построила школу для девочек. Ганси были придворными и королями, а если не существовало замка, куда их могли пригласить, они возводили его сами.

Он был королем.

Однажды самого младшего в роду Ганси насмерть покусали осы. Но он обладал преимуществом во всем, и смерть не стала исключением. Чей-то голос шепнул ему в ухо: «Ты будешь жить благодаря Глендауэру. Кто-то на силовой линии сейчас умирает, хотя не должен. Поэтому ты будешь жить, хотя не должен».

Он умер – но не сумел остаться мертвым.

Он был королем.

Его мать, сама по себе особа королевской крови, вступила в борьбу на политическом поприще и, что неудивительно, изящно достигла верхних строк избирательного списка. Вперед и вверх. А что, кто-то сомневался? Ну, вообще-то... да, постоянно, всегда, поскольку Ганси не требовали услуг. Зачастую даже не просили о них. Они определенным образом поступали с людьми и молча надеялись, что те точно так же поступят с ними.

Сомнение... любой Ганси только и делал, что сомневался. Любой Ганси смело совал руку в непроглядно черную воду, не ведая своей судьбы до тех пор, пока не ощущал в раскрытой ладони рукоять меча.

Но... всего несколько месяцев назад один конкретный Ганси сунул руку в темную неизвестность будущего, рассчитывая обнаружить там обещанный меч, но вместо этого вытащил зеркало.

В некотором хитровывернутом смысле это было справедливо. Честно.

Это произошло 25 апреля, в канун дня святого Марка. За несколько лет до того Ганси прочитал книгу «Великая тайна: силовые линии мира», написанную Роджером Мэлори. В ней Мэлори тяжеловесными словами объяснял, что, если подежурить в канун дня святого Марка на силовой линии, увидишь души тех, кто умрет в течение следующего года. К тому моменту Ганси уже успел повидать самые разные чудеса, происходившие вблизи силовой линии или на ней: девушку, которая могла читать книжку в полной темноте, если стояла на линии, старуху, способную поднять полную корзину фруктов силой мысли, смуглых тройняшек, которые плакали кровавыми слезами, а в жилах у них текла соленая вода... но всё это не включало Ганси. Не требовало его участия. Не объясняло смысл его существования.

Он не знал, почему спасся.

Но хотел знать.

Поэтому Ганси целую ночь дежурил на силовой линии, ставшей для него лабиринтом – в одиночестве, на парковке у церкви Святого Искупителя. Он ничего не видел и не слышал. На следующий день Ганси сидел рядом с «Камаро», уставший до безумия, и прокручивал ночную запись.

Его собственный голос в диктофоне прошептал: «Ганси». Пауза. «Всё, что есть».

Наконец-то это случилось. Он перестал быть простым наблюдателем и сделался участником.

Даже тогда какая-то крошечная часть Ганси задумалась, что означает этот факт. Когда через час его друзья пришли на помощь «Кабану», он, вероятно, уже понял, в чем дело. Он,

вероятно, знал ответ, когда ясновидящие в доме номер 300 на Фокс-Вэй вытащили для него карту. Он, вероятно, знал ответ, когда лично пересказал всю историю Роджеру Мэлори.

Ганси знал, чьи голоса шептались на силовой линии в ночь накануне дня святого Марка. Но он потратил несколько лет на то, чтобы заключить свой страх в оковы, и был еще не готов их снять.

Только когда умерла одна из ясновидящих в доме номер 300 на Фокс-Вэй, только когда смерть вновь стала реальностью, Ганси перестал отрицать правду.

Гончие псы в охотничьем клубе Агленби были той осенью: прочь, прочь, прочь.

Он был королем.

В этом году он должен был умереть.

1

Взаимосвязи от того, с чего вы начали эту историю, речь в ней шла про женщин из дома номер 300 на Фокс-Вэй.

Истории тянутся во все стороны. Жила-была женщина, которая хорошо умела играть со временем. Шаг вбок: жила-была дочь женщины, которая хорошо умела играть со временем. Теперь прыжок назад: жила-была дочь короля, которая хорошо умела играть со временем.

Повсюду, насколько хватает глаз, сплошные начала и концы.

За исключением одной лишь Блу Сарджент, все обитательницы дома номер 300 на Фокс-Вэй были ясновидящими. Посторонний человек мог предположить, что они сильно походили друг на друга, но в реальности они имели не больше общего, чем компания музыкантов, или врачей, или гробовщиков. «Ясновидящая» – это не столько склад характера, сколько набор умений. Система верований. Общее убеждение, что время – и история – есть не линия, а океан. Если ты не в состоянии найти именно тот момент, который ищешь, очевидно, ты заплыла недостаточно далеко. Вполне возможно, что ты просто плохой пловец. А еще вполне возможно (как неохотно признавали эти женщины), что некоторые моменты скрыты слишком далеко и лучше оставить их глубоководным созданиям. Таким, как рыба-удильщик, с огромными зубами и фонариком, свисающим с морды. Ну, или таким, как Персефона Полдма. Она, впрочем, умерла, так что, наверное, это был не самый удачный пример.

В понедельник все наличествующие обитательницы дома номер 300 на Фокс-Вэй решили наконец исследовать нависшую над Ричардом Ганси угрозу, оценить ущерб, нанесенный их собственным жизням, как они их понимали, а также выяснить, каким образом связано то и другое, и связано ли вообще. Кроме того, Джими произвела очищение чакр в обмен на отличную бутылку жгучего торфяного виски и страстно хотела распить ее вместе с компанией.

Калла вышла на пронизывающий осенний холод, чтобы перевернуть табличку рядом с ящиком для писем. Теперь она гласила «ЗАКРЫТО. СКОРО ОТКРОЕТСЯ». Джими, верившая в магию трав, принесла несколько маленьких подушечек, набитых полынью (чтобы усилить проекцию души), и приготовила розмарин, чтобы жечь его на древесном угле (для памяти и ясновидения, что, по сути, есть одно и то же в двух разных направлениях). Орла потрясла дымящимся пучком шалфея над картами таро, Мора наполнила гадальную миску из черного стекла. Гвенллиан пела ликующую и непристойную песню, зажигая стоявшие в кружок свечи и опуская шторы. Калла вернулась в гадальную, держа в руках три статуэтки.

– Здесь пахнет как в поганом итальянском ресторане, – сказала она Джими, которая, не переставая напевать, разгоняла дым и виляла массивным тазом. Калла поставила свирепую статуэтку Ойи рядом с собственным креслом, а танцующее изображение Ошуна рядом с креслом Моря. Она крепко держала в руке третью статуэтку – это была Йемайя, водная богиня йоруба, которая всегда стояла возле кресла Персефоны (либо на комод в спальне Каллы).

– Мора, я не знаю, куда поставить Йемайю.

Мора указала на Гвенллиан, а та на Мору.

– Ты сказала, что не хочешь проделывать это в присутствии Адама, так что отдай ей.

– Ничего подобного, – заметила Калла. – Я сказала, что он ко всему этому слишком близок.

Проблема заключалась в том, что они все были к этому слишком близки. Они месяцами жили в предельной близости к этой ситуации. Настолько, что теперь трудно было сказать, не являются ли они этой ситуацией.

Орла перестала жевать резинку и спросила:

– Мы готовы?

– М-м-м-м... хотя Блу не хватает... м-м-м-м... – произнесла Джими, продолжая мычать и покачиваться.

Отсутствие Блу и впрямь было примечательным. В качестве мощного усилителя пророческих способностей она в данном случае пригодилась бы, однако все они шепотом согласились накануне вечером, что было бы жестоко обсуждать судьбу Ганси в ее присутствии больше необходимого. Женщины решили, что обойдутся Гвенллиан, пусть даже она была вдвое слабее и вдвое несговорчивее.

– Потом мы сообщим Блу результат, – сказала Мора. – Пожалуй, пойду извлеку Артемуса из кладовки.

Артемус: бывший возлюбленный Моря, биологический отец Блу, советник Глендауэра, обитатель кладовки в доме номер 300 на Фокс-Вэй. Чуть больше недели назад его достали из волшебной пещеры, и за это время он умудрился никоим образом не прирастить их эмоциональный и интеллектуальный ресурс. Калла считала Артемуса тряпкой (и не ошибалась). Мора полагала, что его неправильно понимают (и тоже не ошибалась). Джими сказала, что никогда в жизни не видела такого длинного носа (и, опять-таки, была права). Орла думала, что забаррикадироваться в кладовке – не лучший способ защититься от ясновидящей, которая тебя ненавидит (и не ошибалась). А Гвенллиан, собственно, и была ясновидящей, которая его ненавидела (и имела право).

У Моря ушло довольно много времени, чтобы убедить Артемуса выйти из кладовки; но, даже присоединившись к собравшимся за столом, он выглядел чужаком. Отчасти потому, что был мужчиной, отчасти из-за очень высокого роста. Но главное – потому что у Артемуса были темные беспокойные глаза, которые давали понять, что он повидал мир и для него это оказалось чересчур. Этот искренний страх резко контрастировал с уверенностью, которую в той или иной мере излучали ясновидящие обитательницы дома номер 300.

Мора и Калла знали Артемуса еще до рождения Блу, и обе полагали, что он сильно умалился по сравнению с собой прежним. Ну, Мора думала: «Сильно умалился», а Калла – просто «умалился», поскольку и раньше не была особенно высокого мнения об Артемусе. Впрочем, она никогда не питала пристрастия к долговязым мужчинам, которые появляются из волшебного леса.

Джими разлила виски.

Орла закрыла дверь в гадальную.

Женщины сели.

– Ну и компания, – сказала Калла в качестве вступительной реплики (и не ошиблась).

– Его ведь нельзя спасти? – спросила Орла.

Она имела в виду Ганси. Глаза у нее слегка затуманились. Не то чтобы она питала особенно теплые чувства к Ганси, но Орла была очень сентиментальна, и ее волновала мысль о юноше, которому предстояло погибнуть во цвете лет.

– М-м, – произнесла Мора.

Все женщины выпили. Артемус нет. Он бросил нервный взгляд на Гвенллиан. Та, неизменно внушительная, с башней волос, утыканных карандашами и цветами, яростно взглянула на него в ответ. Жар ее взгляда вполне мог воспламенить остатки спиртного в бокале.

Мора спросила:

– Значит, мы должны этому помешать?

Орла, самая младшая и шумная из присутствующих, разразилась оглушительным юным смехом.

– И как именно вы ему помешаете?

– Я сказала – помешаем этому, а не ему, – сердито отозвалась Мора. – Не стану притворяться, будто в моей власти помешать Ганси исследовать Вирджинию в поисках собственной могилы. Я имею в виду остальное.

Калла со стуком опустила бокал на стол.

– О, я могла бы его остановить. Но суть не в этом. Всё уже расставлено по местам.

Всё расставлено по местам: бывший киллер, который ныне спал с Морой, его помешанный на сверхъестественных артефактах бывший босс, который ныне спал в Бостоне, непонятные существа, выползавшие из пещеры позади заброшенной фермы, набирающая силу магическая линия, волшебный разумный лес, некий мальчик, умеющий выносить предметы из снов, другой мальчик, мертвый, который отказывался упокоиться, девушка, которая сверхъестественным образом усиливала девяносто процентов вышеперечисленного...

Женщины выпили еще.

– Они так и будут ездить в этот безумный лес? – спросила Орла.

Кабесуотер ее не волновал. Она уже ходила туда с компанией и достаточно близко подбиралась к нему, чтобы... почувствовать. Ясновидение лучше всего удавалось ей по телефону или по почте; лица только мешали на пути к истине. Но у Кабесуотера не было лица, а силовая линия превосходила любую телефонную. Орла чувствовала, как линия о чем-то ее просила. Она не могла разобрать, что конкретно ей нужно. И не думала, что речь обязательно о чем-то плохом. Орла лишь ощущала огромность просьб и вес обещаний. Они могли изменить ее жизнь. Но Орлу всё вполне устраивало, спасибо большое, поэтому она раскланялась и ушла.

– В лесу ничего страшного, – сказал Артемус.

Все женщины посмотрели на него.

– Что значит «ничего страшного»? – спросила Мора.

– Кабесуотер любит их, – сказал Артемус, складывая свои огромные ладони на коленях и нацеливая на них свой огромный нос. Он то и дело поглядывал на Гвенллиан, словно боялся, что она на него набросится.

Гвенллиан многозначительно потушила одну из свечей бокалом; в комнате стало темнее на один крохотный огонек.

– Развернешь? – спросила Калла.

Артемус промолчал.

Мора сказала:

– Мы примем твоё мнение к сведению.

Женщины выпили.

– Кто-то из присутствующих в этой комнате умрет? – спросила Джими. – Тогда, у церкви, появился кто-нибудь еще из тех, кого мы знаем?

– К нам это не относится, – ответила Мора.

Дежурство у церкви в норме предсказывало смерти тех, кто родился в Генриетте или непосредственно на «дороге мертвых» (ну, или как в случае Ганси, переродился). А все, кто сейчас сидел за столом, приехали из других мест.

– Впрочем, это относится к Блу, – заметила Орла.

Мора агрессивно перекладывала карты.

– Это еще не гарантия безопасности. Бывает судьба страшнее, чем смерть.

– Давайте тасовать, – сказала Джими.

Каждая женщина поднесла колоду Таро к сердцу, потом перетасовала ее и наугад вытащила одну карту. И выложила на стол рубашкой вниз.

Таро – глубоко личная штука, и узор на каждой колоде отражал характер женщины, которая ей владела. У Моры были сплошь темные линии и простые цвета, одновременно небрежные и похожие на детский рисунок. Колода Каллы была роскошной, перенасыщенной, карты изобиловали подробностями. На каждой карте в колоде Орлы изображалась парочка, которая целовалась или занималась любовью, вне зависимости от того, предполагало ли значение карты поцелуй или секс. Гвенллиан создала свою колоду, нацарапав темные, безумные символы на

самых обычных игральных картах. Джими предпочитала колоду со Священными Кошками и Святыми Женщинами, которую нашла в антикварном магазинчике в 1992 году.

Все ясновидящие достали пять разных версий Башни. Вариант Каллы, возможно, наилучшим способом отражал значение этой карты. В башню с надписью «постоянство» ударяла молния, башня горела, и на нее нападали змеи, похожие на коралловых аспидов. Женщина в окне переживала все последствия удара молнии. Какого-то мужчину сбросили с верхнего парапета, а может быть, он прыгнул сам. В любом случае он тоже горел, и за ним летела змея.

– То есть мы все умрем, если только не примем меры, – сказала Калла.

Гвенллиан произнесла:

– *Owypus dei gratia Princeps Waliae*, ла-ла-ла, *Princeps Waliae*, ла-ла-ла...

Издав короткий стон, Артемус попытался встать. Мора успокаивающе накрыла его ладонь своей.

– Мы все умрем, – повторила она. – Рано или поздно. Давайте не паниковать.

Калла не сводила глаз с Артемуса.

– Паникует только один из нас.

Джими передала по кругу бутылку с виски.

– Надо найти какое-то решение, дорогие. Как будем его искать?

Все женщины посмотрели на темную гадальную миску. В ней не было ничего особенно примечательного – просто стеклянная миска за одиннадцать долларов, купленная в одном из тех магазинчиков, где продаются кошачий корм, мульча и бытовая техника со скидкой. Налитый в нее клюквенно-виноградный сок не имел никаких волшебных свойств. Но тем не менее в этой миске было нечто зловещее. Жидкость как будто слегка беспокоилась. Она отражала только темный потолок, но, казалось, хотела показать нечто большее. Гадальная миска содержала разные возможности, и не все они были приятными.

(Одна из возможностей: использовать отражение, чтобы отделить собственную душу от тела, и в итоге умереть.)

Хотя именно Мора принесла в комнату миску, теперь она ее отодвинула.

– Давайте сделаем расклад на всю жизнь, – предложила Орла и щелкнула жвачкой.

– Ой нет, – сказала Калла.

– Для всех нас? – спросила Мора, как будто ничего не слышала. – Наша жизнь как единое целое?

Орла помахала рукой, указав на все колоды, и ее огромные деревянные браслеты удовлетворенно застучали друг о друга.

– Мне нравится, – сказала Мора.

Калла и Джими вздохнули.

Обычно для предсказания требовалась лишь некоторая часть из семидесяти восьми карт, составлявших колоду. Три. Десять. Возможно, еще одна или две дополнительно, если нужно было что-то прояснить. Предназначенное для каждой карты место содержало вопрос: каково состояние твоего подсознания? чего ты боишься? что тебе нужно? Каждая карта, занимая определенную позицию, давала ответ.

Семьдесят восемь карт – это уйма вопросов и ответов.

Особенно если умножить на пять.

Калла и Джими опять вздохнули, но принялись тасовать. Мора сказала правду: вопросов скопилось много. И им было нужно получить много ответов.

Женщины, как одна, перестали тасовать карты, закрыли глаза и поднесли колоды к груди, сосредоточившись лишь друг на друге и на том, каким образом переплелись их жизни. Свечи мерцали. Позади статуэток богинь играли тени – длинные, короткие, снова длинные. Гвенллиан напевала под нос, и Джими вскоре последовала ее примеру.

Только Артемус, нахмурившись, сидел отдельно.

Но женщины включили его, когда принялись выкладывать карты. Сначала они изобразили мощный ствол, в процессе шепотом называя друг другу позиции и значения. Затем принялись выкладывать ветви, которые указывали на Артемуса, на Джими, на Орлу. Затем корни, которые вели к Калле, Море, Гвенллиан. Они стукались головами, и клали карты одну поверх другой, и смеялись, когда сталкивались, и ахали, увидев результат.

Постепенно появилась история. Она повествовала о людях – о тех, которых они изменили и которые изменили их. Сюжет включал все пикантные моменты: когда Мора влюбилась в Артемуса, когда Джими ударила Каллу, когда Орла втайне опустошила общий счет в банке, чтобы создать вебсайт, который пока так и не принес дохода, когда Блу убежала из дома и ее притащили обратно полицейские, когда умерла Персефона...

Ветвь, которая вела к Артемусу, была мрачной и гнилой, испещренной мечами и страхом. Заключенная в ней тьма текла обратно к стволу, соединяясь с какой-то жутью, истлевающей в корне, который принадлежал Гвенллиан. Было очевидно, что эта тьма убьет их всех, если они ничего не сделают, хотя никто не понимал, что конкретно она собой представляла. Зрение присутствующих женщин не могло проникнуть в область непосредственно над силовой линией, а тьма сосредотачивалась там.

Впрочем, разрешение проблемы лежало вне силовой линии. Оно было многогранным, неопределенным, трудным. Но основная идея была ясна.

– Им придется действовать заодно? – недоверчиво спросила Калла.

– Так говорят карты, – ответила Мора.

Джими потянулась за бутылкой виски, но та уже опустела.

– А мы не можем сами об этом позаботиться?

– Мы просто люди, – сказала Мора. – Обычные люди. А они особенные. Адам связан с силовой линией. Ронан – сновидец. Блу усиливает их всех.

– Золотой мальчик – просто человек, – заметила Орла.

– Да, и ему предстоит умереть.

Женщины вновь обозрели карты.

– Это значит, что она еще жива? – спросила Мора, постучав по одной из карт – Королеве Мечей.

– Возможно, – буркнула Калла.

– Это значит, что она скоро уйдет? – спросила Орла, постучав по другой карте. Имелась в виду другая «она».

– Возможно, – со вздохом сказала Мора.

– Это значит, что она вернется? – спросила Калла, указав на третью карту. Имелась в виду третья «она».

– Возможно! – воскликнула Гвенллиан и выскочила из-за стола.

Она принялась кружиться, воздев руки в воздух.

Никто больше не мог сидеть спокойно. Калла отодвинула кресло.

– Я хочу еще выпить.

Джими согласно прищелкнула языком.

– Если приближается конец света, я тоже хочу.

Когда остальные встали из-за стола, Мора осталась. Она смотрела на отравленную ветвь Артемуса и на самого Артемуса, который, ссутулившись, сидел над картами. Случайные мужчины из волшебных лесов больше не были в ее вкусе. Но все-таки она помнила, что любила Артемуса, а этот Артемус сильно умалился.

– Артемус, – ласково позвала Мора.

Он не поднял голову.

Мора коснулась пальцем его подбородка. Он вздрогнул. Она приподняла лицо Артемуса, чтобы заглянуть ему в глаза. Он никогда не спешил заполнять пустоту словами – и теперь тоже. Казалось, он ни за что не заговорил бы впредь, будь это в его власти.

С тех пор как они оба выбрались из пещеры, Мора не спрашивала Артемуса ни о чем, что произошло за все эти годы, минувшие с их последней встречи. Но теперь она спросила:

– Что случилось, если ты стал таким?

Он закрыл глаза.

2

– Черт, где Ронан? – спросил Ганси, повторяя слова, которые произносили тысячи людей с тех пор, как человечество обрело дар речи.

Выйдя из естественно-научного корпуса, он запрокинул голову, как будто Ронан Линч – сновидец, воин и злостный прогульщик – мог витать где-то в вышине. Но его там не было. Ганси увидел только самолет, беззвучно летевший в яркой синеве над школьным кампусом. По ту сторону железной ограды лежала Генриетта, издававшая деловой дневной шум. По эту сторону ограды ученики Агленби издавали неделовые подростковые крики.

– На технологии его тоже не было?

Адам Пэрриш – маг и загадка, школьник и логик, мужчина и мальчик – потеребил ремень честолюбиво нагруженной сумки на плече. Он не видел никаких причин полагать, что Ронан где-то тут, в кампусе. У Адама уходили все силы на то, чтобы сосредоточиться на уроках после целой недели, полной волшебных пещер и загадочных спящих – а Адам был самым мотивированным учеником Агленби. Ронан, с другой стороны, регулярно появлялся только на уроках латинского. Теперь, когда всех ребят, изучавших латынь, позорно запихнули на дополнительные занятия французским, что ему оставалось делать?

– Он был? – повторил Ганси.

– Я думал, это риторический вопрос.

Ганси злился ровно столько времени, сколько понадобилось запоздалой бабочке, подхваченной осенним ветерком, чтобы пролететь мимо.

– Он даже не пытается.

Прошла неделя с тех пор, как они отыскиали и извлекли из пещеры Мору – мать Блу – и Артемуса... отца Блу? Три дня с тех пор, как они посадили Роджера Мэлори – старинного друга Ганси – на обратный самолет в Англию. Два дня с тех пор, как начался учебный год.

Ни в один из этих дней Ронан не удосужился появиться в Агленби.

Они глупо тратили время и силы? Да. Ронан Линч должен был сам отвечать за себя? Да.

За спиной у них, в естественно-научном корпусе, зазвонил колокол – через две минуты после окончания урока. Это был настоящий колокол, с настоящей веревкой, и предполагалось, что в конце урока в него, как положено, звонит настоящий ученик. Двухминутное опоздание преждевременно состарило Адама Пэрриша. Он страдал, когда люди плохо выполняли свои обязанности.

– Скажи что-нибудь, – потребовал Ганси.

– Этот колокол...

– Всё просто ужасно, – согласился Ганси.

Они сошли с дорожки и зашагали через спортивные площадки. Это был суший дар богов – прогулка из естественно-научного корпуса до Грабер-Холла, десять роскошных минут на то, чтобы в перерыве между уроками насладиться воздухом и солнцем. Пребывание в кампусе, как правило, успокаивало Адама; предсказуемый распорядок убаюкивал его. Учись прилежно. Иди на урок. Поднимай руку. Отвечай на вопросы. Двигайся к выпускным экзаменам. Другие одноклассники жаловались на учебу. Ха! Учеба была островом, к которому Адам устремлялся в бурном море.

Очень бурном. На силовой линии кишели чудовища. Сквозь руки и глаза, которые Адам отдал Кабесутеру, рос лес. А Ганси должен был умереть до наступления апреля. Вот что представляло собой это беспокойное море – а Глендауэр был в нем островом. Разбудить его значило получить подарок, который предназначался для того, чтобы спасти жизнь Ганси. Волшебная страна нуждалась в волшебном короле.

В минувшие выходные Адаму дважды снилось, что они уже нашли Глендауэра и теперь ищут его опять. Когда ему приснилось это в первый раз, это был кошмар. Во второй раз – облегчение.

Он осторожно спросил:

– Какой следующий этап?

– Пещера Диттли, – ответил Ганси.

Адам испугался. Обычно Ганси предпочитал безопасный подход, а пещера Диттли была чем-то совершенно противоположным. Во-первых, после того, как они извлекли оттуда дочь Глендауэра, Гвенллиан, из пещеры начали выползать странные существа. Во-вторых, у входа в нее Пайпер Гринмантл застрелила Джесса Диттли. Это место буквально вопило о прошлых и будущих смертях.

– А ты не думаешь, что, если бы Глендауэр находился дальше в пещере, Гвенллиан так и сказала бы, вместо того чтобы позволять нам рыскать по долине костей?

– Я думаю, Гвенллиан преследует свои личные цели, – ответил Ганси. – И я еще не выяснил какие.

– Просто я сомневаюсь, что стоит рисковать. Кроме того, это место преступления.

Будь здесь Ронан, он сказал бы: «Всё на свете – место преступления».

Ганси произнес:

– Значит, у тебя есть другие варианты?

Варианты? Во множественном числе? Адам был бы счастлив, если бы у него имелся хоть один. Самый многообещающий путь, пещера в Кабесуотере, рухнула во время их последней экспедиции, и на смену ей не появилось ничего нового. Ганси заметил, что это напоминает испытание на пригодность, и Адам невольно согласился. Кабесуотер устроил им проверку, они попытались ее пройти и обнаружили, что чего-то недостает. Впрочем, ощущение было правильное. Сначала они с Ронаном действовали заодно, чтобы очистить пещеру от опасных помех, а потом вся компания соединила свои таланты и ненадолго оживила скелеты древних животных, которые привели Ронана и Блу к Море. Каждую ночь с тех пор Адам воскрешал это воспоминание, прежде чем заснуть. Ронан, который видит сны, Адам, который фокусирует энергию, Блу, которая ее усиливает, Ганси, который приводит весь план в действие. Он никогда еще не чувствовал себя таким... настоящим. Вместе они составляли превосходную машину.

Но это не помогло им добраться до Глендауэра.

Адам предположил:

– Может, поговорить с Артемусом?

Ганси хмыкнул. Это звучало бы пессимистично в исполнении кого угодно – а в исполнении Ганси прозвучало пессимистично вдвойне.

– Я думаю, нам без проблем удастся поговорить с Артемусом. Но будет нелегко сделать так, чтобы он поговорил с нами.

– Ты, кажется, всегда считал, что у тебя есть дар убеждения, – сказал Адам.

– Практика еще этого не доказала.

– Ганси, чувак! – закричал кто-то через поле.

Уитман, прежний товарищ Ганси по гребной команде, приподнял три пальца в знак приветствия. Ганси не ответил, пока Адам не коснулся легонько его плеча тыльной стороной руки. Тогда он моргнул и наклеил на лицо улыбку Ричарда Кэмпбелла Ганси Третьего. Каким сокровищем была эта улыбка, которую передавали через века, от отца к сыну, с надеждой убирали в сундук, если в семье не было сына, полировали и гордо выставляли напоказ, когда кампания заканчивалась...

– А, Уит, – сказал Ганси, щедро растягивая гласные и наполняя свою речь классическим южным вирджинским акцентом. – Эй, гляди, ты оставил ключи в замке!

Уитман, рассмеявшись, застегнул ширинку. Размашистой походкой он зашагал рядом, и они с Ганси завязали какой-то беспечный разговор. Вскоре к ним присоединились двое ребят, потом еще двое. Они обменивались дружескими шутками, жизнерадостные, полные энергии, общительные. Ходячая реклама приличной жизни и хорошего образования.

Это была наука, в которой Адаму никогда не удавалось преуспеть, хотя он посвятил много месяцев ее прилежному изучению. Он анализировал поведение Ганси, препарировал реакции других ребят, заносил в каталог образцы бесед. Он видел, как простой жест разворачивался в букет мужского разговора – изящно, словно по волшебству. Он внимательно присматривался и к происходящему за сценой. Как несчастный Ганси за одну секунду становился дружелюбным. Но практика Адаму не давалась. Теплые приветствия застывали на губах. Небрежные жесты превращались в пренебрежительные. Ровный зрительный контакт становился пугающим пристальным взглядом.

Он заново брал уроки каждую четверть и думал, что как ни трудно в это поверить, но, очевидно, есть вещи, которым не в состоянии научиться даже Адам Пэрриш.

– Где Пэрриш? – спросил Ингл.

– Здесь, – ответил Ганси.

– Даже не знаю, как это я пропустил ветер с ледника, – сказал Ингл. – Как дела, старик?

На этот риторический вопрос можно было ответить легкой нарисованной улыбкой. Эти ребята собрались ради Ганси. Где Пэрриш? Так далеко, что за день не дойдешь.

Некогда подобная сцена расстроила бы Адама. Напугала. Но теперь он был уверен, что занимает место одного из двух фаворитов Ганси. Поэтому он просто сунул руки в карманы и молча пошел вместе с остальными.

Внезапно Адам почувствовал, как Ганси рядом с ним напрягся. Прочие продолжали галдеть и смеяться, но лицо Ганси сделалось задумчивым. Адам проследил его взгляд до массивных колонн, поддерживавших крышу Грабер-Холла. Там, на лестнице между ними, стоял директор Чайлд, держа в руке учебник или что-то вроде того. Он больше походил на птицу, чем на человека – ходячая реклама крема от загара и широкополых шляп.

– Так, джентльмены, – сказал он, – мне вас слышно из кабинета. Почему мы галдим, как вороны? Занятия ждут.

Они стукнулись кулаками, взъерошили друг другу волосы, похлопали по плечам. Все разошлись; остались только Ганси и Адам. Чайлд приподнял руку и слегка помахал Ганси, прежде чем вернуться в недра Грабер-Холла.

И вновь у Ганси сделался сердитый вид. Не глядя по сторонам, он зашагал дальше.

– Что это было? – спросил Адам.

Ганси, поднимаясь по лестнице, на которой только что стоял Чайлд, сделал вид, что не расслышал.

– Ганси. Что это было?

– Что?

– Рука. Чайлд.

– Просто дружелюбный жест.

К Ганси мир всегда относился дружелюбнее, чем к Адаму; но на директора Чайлда это было непохоже.

– Так и скажи, что не хочешь говорить. Но только не ври.

Ганси с преувеличенным вниманием заправил рубашку и опустил свитер. Он не смотрел на Адама.

– Я не хочу ссориться.

Нетрудно было догадаться.

– Ронан.

Ганси воровато взглянул на Адама и снова занялся свитером.

– Нет, – сказал Адам. – Не может быть. Нет. Ты этого не сделал.

Он не знал в точности, в чем обвинял Ганси. Но он знал, чего Ганси хотел для Ронана. И как Ганси добивался своего.

– Я не хочу ссориться, – повторил Ганси.

Он протянул руку к двери. Адам положил ладонь сверху.

– Оглядишься. Ты видишь тут Ронана? Плевал он на учебу. Если пихать человеку еду в плотку, это еще не значит, что ему захочется есть.

– Я не хочу ссориться.

Ганси спасло какое-то гудение в кармане; у него звонил телефон. Теоретически им не разрешалось говорить по телефону во время учебного дня, но Ганси тем не менее достал мобильник и повернул экран, чтобы показать его Адаму. Адама поразили две вещи: во-первых, звонила миссис Ганси (очевидно, так оно и было), а во-вторых, часы на экране показывали 6:21 (и это совершенно точно было не так).

Адам слегка сменил позу – он больше не загораживал от Ганси вход в Грабер-Холл, просто положил руку на дверь. Теперь он стоял на стреме.

Ганси поднес мобильник к уху.

– Алло? А, мама. Я в школе. Нет, выходной был вчера. Нет. Конечно. Нет, просто давай быстро.

Пока Ганси говорил по телефону, Кабесуотер манил Адама, предлагая поддержать его усталое тело – и всего на минуту Адам разрешил ему сделать это. На несколько свободных вдохов его окружили листья и вода, стволы и корни, камни и мох. Силовая линия гудела в нем, слабея и угасая вместе с биением пульса, ну, или наоборот. Адам знал, что лес хотел что-то ему сказать, но пока не понимал, что именно. Нужно было погадать после школы, а может быть, выбрать время и съездить в Кабесуотер.

Ганси убрал телефон. И произнес:

– Она спрашивает, как мне идея устроить экспромтом мероприятие для ее избирательной кампании здесь, в кампусе, в выходные. Не помешает ли это праздновать День ворона, не будет ли Чайлд возражать. Я сказал... ну, ты слышал, что я сказал.

Вообще-то Адам ничего не слышал. Он слушал Кабесуотер. Более того, он прислушивался к нему до сих пор так внимательно, что, когда лес внезапно и неожиданно качнулся, Адама тоже шатнуло. Испугавшись, он схватился за дверную ручку, чтобы устоять.

Силовая линия перестала гудеть в нем.

Он едва успел задуматься, что произошло и вернется ли энергия, когда силовая линия вновь ожила и забормотала. Перед глазами у Адама пронеслись листья. Он выпустил ручку.

– Что это было? – спросил Ганси.

– Что? – слегка запыхавшись, повторил Адам, почти в точности подражая тону Ганси.

– Прекрати. Что случилось?

Случилось то, что кто-то выпустил огромное количество энергии из силовой линии. Такое большое, что даже у Кабесуотерахватило дух. Насколько Адам мог судить по своему ограниченному опыту, это могло произойти лишь по нескольким причинам.

Когда поток энергии стал постепенно набирать скорость, он сказал:

– Я почти наверняка знаю, чем сейчас занят Ронан.

3

Вто утро Ронан Линч проснулся рано, без будильника, думая: «Домой, домой, домой».

Он миновал спящего Ганси – тот стискивал в руке телефон, очки в металлической оправе лежали возле кровати – и прокрался вниз по лестнице, прижимая к груди Бензопилу, чтобы та молчала. Трава на парковке мочила росой ботинки, туман клубился вокруг колес угольно-черного «БМВ». Над Монмутской фабрикой нависало небо цвета грязной воды. Было холодно, но бензиновое сердце Ронана пылало. Он сел в машину, позволив ей стать своей второй кожей. Ночной воздух еще лежал под сиденьями и в карманах на дверцах; Ронан вздрогнул, когда привязал Бензопилу к ремню безопасности на пассажирском сиденье. Не лучший вариант, но достаточно эффективный, чтобы помешать ворону носиться по салону. Бензопила укусила его, но не так сильно, как утренний холод.

– Дай мне пиджак, гадость, – сказал Ронан птице.

Но та пробно потыкала клювом кнопку на окне, поэтому Ронан взял пиджак сам. Школьный свитер Агленби тоже лежал там, безнадежно скомканный, под коробкой-головоломкой, сонным артефактом, который переводил с нескольких языков, включая вымышленный, на английский.

Когда он снова пойдет в школу? И пойдет ли? Ронан подумал, что завтра может официально забрать документы. На неделе. На следующей неделе. Что ему мешает? Ганси. Диклан. Память об отце.

Даже в это время суток дорога до Сингерс-Фолз заняла двадцать минут, но в любом случае еще не рассвело, когда он миновал несуществующий город и наконец добрался до Амбаров. Колючие кусты, ветви, деревья сомкнулись вокруг машины, которая ехала по аллее длинной в полмили. Вырубленное среди покрытых лесом холмов, это место, куда можно было добраться лишь по извилистой дороге сквозь спутанную чащу, наполнилось звуками беспорядочных окрестных дебрей. Шуршали друг о друга дубовые листья, в подлеске хрустели ветками койоты или олени, шептала сухая трава, совы перебрасывались вопросами, всё дышало и ускользало от взгляда. Было слишком холодно для светлячков, но тем не менее множество этих насекомых сверкало и гасло над полями.

Это были его места. Причудливые, существующие без всякой цели, но любимые.

Ронан Линч любил видеть во сне свет.

Было время, когда Амбары составляли для Ронана целый мир. Линчи редко выезжали, когда он был маленьким, потому что в Амбарах хватало работы. Кроме того, Ниалл Линч мало кому доверял заботиться о них в свое отсутствие.

Лучше ездить в гости к друзьям, чем звать к себе – так объясняла мать, Аврора Линч, – поскольку у папы на ферме множество хрупких вещей.

Одной из таких хрупких вещей была сама Аврора. Золотоволосая Аврора Линч, несомненная королева Амбаров, кроткая и радостная правительница этой мирной потайной страны. Она покровительствовала причудливым занятиям сыновей (хотя Диклан, старший, редко бывал причудливым) и охотно участвовала в их фантастических играх (хотя Диклан, старший, редко бывал склонен к играм). Она, конечно, любила Ниалла – все любили этого неправдоподобного человека, хвастливого поэта, короля музыки, – но, в отличие от остальных, Аврора предпочитала его тихим и молчаливым. Она любила правду, но трудно было любить одновременно правду и Ниалла Линча, когда он разговаривал.

Аврора была единственной, кого он не мог ослепить, и он любил ее за это.

Лишь много лет спустя Ронан узнал, что король придумал себе королеву. Но, если подумать, ничего удивительного тут не было. Его отец тоже любил грезить о свете.

Войдя в дом, Ронан включил несколько ламп, чтобы отогнать внешний мрак. Через несколько минут поисков он достал ведро с алфавитными кубиками, которые высыпал перед Бензопилой, и она принялась с ними возиться. Затем Ронан включил фолк из отцовской коллекции и, пока в узких коридорах трещали и гудели скрипка и волынки, стер пыль с полок и починил сломанную дверцу шкафчика на кухне. Когда утреннее солнце наконец залило золотыми лучами укромную долину, он принялся перекрашивать старую деревянную лестницу, которая вела к прежней комнате родителей.

Ронан вдохнул. Выдохнул.

Когда он жил не дома, то забывал, как дышать.

Время здесь шло по-своему. День в Агленби представлял собой стремительную смену образов, которые ничего не значили, и разговоров, которые не запоминались. Но тот же день, проведенный в Амбарах, был полон ленивого спокойствия и всех четырех времен года сразу. Ронан читал, сидя у окна; смотрел старые фильмы в гостиной; неторопливо чинил хлопающую дверь сарая. Часы тянулись, сколько им было надо.

Постепенно воспоминания о прошлом – обо всем, что значило для Ронана это место, когда в нем обитала вся семья Линчей, – сменились воспоминаниями и надеждами на «потом». Каждая минута, когда Амбары будут принадлежать ему, всё то время, которое он проведет здесь один или с Адамом, грезя и строя планы...

Дом, дом, дом.

Пора было спать. Грезить. Ронан хотел создать особую вещь и был не настолько глуп, чтобы полагать, что он получит ее с первой попытки.

– Правила для снов, – провозгласил Джона Майло.

Ронан сидел на уроке. Майло, учитель английского, в клетчатом костюме, стоял перед светящимся экраном. Его пальцы, как метроном, щелкали в такт словам: «Правила для снов. Правила для снов».

– Кабесуотер? – спросил Ронан у класса.

Его мысли сковала ненависть. Он никогда не мог забыть запах этого места – запах резины, моющего средства, плесени и терияки из школьной столовой.

– Мистер Линч, вы готовы поделиться с нами своими мыслями?

– Конечно. Я не останусь в этом гребаном классе ни на секунду...

– Никто вас здесь не держит, мистер Линч. Агленби – это выбор. – Майло явно был разочарован. – Давайте сосредоточимся. Правила для снов. Прочтите вслух, мистер Линч.

Ронан молчал. Они его не заставят.

– Сны легко ломаются, – пропел Майло. Его слова звенели, как в рекламе кондиционера для стирки. – Трудно поддерживать необходимый баланс между сознательным и бессознательным. На четвертой странице есть схема.

Третья страница была черной. Четвертой вообще не было. Никакой схемы.

– Правила для снов. Мистер Линч, пожалуйста, выпрямьтесь, заправьте рубашку и сосредоточьтесь, как положено в Агленби. Психопомп поможет вам не растерять мысли, с которыми вы засыпали. Вы все, не забудьте проверить, здесь ли ваш товарищ по снам.

Его товарища по снам тут не было.

Зато был Адам – он сидел в самом заднем ряду. Внимательный. Погруженный в процесс. Типичное «ученик Агленби представляет американское культурное наследие». В пузыре мысли над головой у Адама виднелся учебник, полный букв и диаграмм.

Борода Майло сделалась длиннее, чем в начале урока.

– Правила для снов. На самом деле это просто высокомерие, не так ли? Мистер Линч, вы хотите поговорить о том, что Бог умер?

– Бред какой-то, – сказал Ронан.

– Если вам виднее, то можете встать и сами вести урок. А я просто пытаюсь понять, с чего вы взяли, что в конце концов не умрете, как ваш отец. Мистер Пэрриш, правила сновидца!

Адам ответил четко, как по писаному:

– Хини утверждает на странице двадцать, что сновидцев следует классифицировать как оружие. Изучая ровесников, мы видим, как это подкрепляется реальными доказательствами. Пример первый: отец Ронана умер. Пример второй: К. умер. Пример третий: Ганси умер. Пример четвертый: я тоже умер. Пример пятый: Бог умер, как вы и сказали. Я мог бы добавить в этот список Мэтью и Аврору Линч, но они, согласно исследованию Глассера в 2012 году, не являются человеческими существами. Здесь у меня диаграмма.

– Пошел ты, – сказал Ронан.

Адам испепеляюще взглянул на него. Это был уже не Адам, а Диклан.

– Сделай уроки, Ронан, хоть раз в жизни, блин. Ты разве не знаешь, кто ты такой?

Ронан проснулся злой и с пустыми руками. Он слез с кушетки и с грохотом захлопнул несколько ящиков на кухне. Молоко в холодильнике прокисло, а Мэтью съел все хот-доги, когда приезжал сюда в последний раз. Ронан яростно выскочил в рассветные сумерки на веранде и сорвал странный плод с дерева, на котором росли орехи в шоколадной глазури. Пока он порывисто бродил туда-сюда, Бензопила скакала и перепархивала следом, тыча клювом в темные пятна, которые, как она надеялась, были упавшими орехами.

Правила для снов. Во сне Майло спросил, где его товарищ. Хороший вопрос. Девочка-Сирота навещала его сны, сколько Ронан себя помнил – одинокое маленькое существо в белой шапочке, натянутой поверх коротко остриженных светлых волос. Некогда он думал, что она старше его, но, возможно, просто он сам в те времена был младше. Она помогала ему прятаться, когда Ронану снились кошмары. Теперь она чаще сама пряталась у него за спиной, но по-прежнему помогала ему не забывать о цели. Странно, что она не показалась, когда Майло упомянул ее. Весь сон был какой-то странный.

«Ты разве не знаешь, кто ты такой?»

Ронан, в общем, не знал, но думал, что научился жить с нераскрытой тайной в виде самого себя. Дурацкий сон.

– Брек, – сказала Бензопила.

Бросив ей орешек, Ронан зашагал обратно в дом в поисках вдохновения. Иногда, когда ему было трудно заснуть, он брал в руки что-нибудь реальное, и это помогало. Чтобы с успехом вынести из сна какой-то предмет, Ронан должен был понять, каков он на ощупь, как пахнет, как тянется и гнется, как на него действует (или не действует) притяжение... и всё прочее, делавшее вещь настоящей, а не эфемерной.

В спальне Мэтью взгляд Ронана привлек шелковый мешочек с магнитами. Пока он рассматривал ткань, Бензопила невозмутимо прошествовала у него между ног, издав низкое ворчание. Ронан никогда не мог понять, отчего она предпочитает ходить пешком и прыгать. Будь у него крылья, он бы только и делал, что летал.

– Его тут нет, – сказал он Бензопиле, когда та вытянула шею, пытаясь заглянуть на кровать.

Заурчав в ответ, Бензопила безуспешно принялась искать развлечений. Мэтью был шумным и веселым мальчиком, но в его комнате царили порядок и минимализм. Ронан привык считать, что это потому, что Мэтью держал весь бардак внутри своей кудрявой головы. Но теперь он заподозрил, что это потому, что ему самому не хватило воображения, чтобы создать настоящего человека. Трехлетний Ронан хотел братика, чья любовь была бы полной и безусловной. Трехлетний Ронан приснил Мэтью, полную противоположность Диклану. Был ли Мэтью

человеком? Адам из сна, он же Диклан, очевидно, так не думал, но Адам из сна, он же Диклан, явно врал.

Правила сновидца.

«Сновидцев следует классифицировать как оружие».

Ронан и так уже знал, что он – оружие, но пытался возместить ущерб. Сегодняшней задачей было приснить нечто, способное сохранить жизнь Ганси в том случае, если его опять ужалят. Ронан и раньше, конечно, придумывал противоядия – инъекторы и лекарства, но проблема заключалась в том, что он бы не узнал, работают они или нет, вплоть до той минуты, когда стало бы слишком поздно, если бы они не работали.

Итак, план лучше: легкая бронированная кожа. Нечто способное защитить Ганси еще до того, как ему станет плохо.

Ронан не мог отогнать мысль о том, что время истекает.

Это должно было сработать. Это будет здорово...

Около полудня Ронан встал с постели после еще двух неудачных попыток создать надежную броню. Он надел резиновые сапоги и грязную куртку с капюшоном и вышел на улицу.

Амбары представляли собой путаницу построек, сараев, загонов для крупного скота. В один из них Ронан заглянул, чтобы наполнить кормушки и положить сверху кусок соли – это была вариация его детских обязанностей. Затем он зашагал на верхнее пастбище, минуя молчаливые туши придуманного отцовского скота, который упрямо спал в полях по обе стороны тропинки. По пути Ронан завернул в большой сарай, где хранилось всякое оборудование. Встав на цыпочки, он нащупал над дверным косяком крохотный, принесенный из сна цветок. Когда он подбросил его, цветок завис над головой у Ронана, испуская слабый желтый свет, достаточный, чтобы позволить ему пройти по темному помещению. Ронан пробирался среди пыльных сельскохозяйственных машин, сломанных и несломанных, пока не нашел свой ночной кошмар – альбиноса, свернувшегося на капоте ржавого старого автомобиля. Это была воплощенная угроза – белая, оборванная, лежавшая с закрытыми глазами. Бледные жестокие когти процарапали краску на капоте. Ночной ужас провел здесь уже несколько часов. Он открыл розоватый глаз и взглянул на Ронана.

– Тебе что-нибудь нужно, сукин ты сын? – поинтересовался тот.

Кошмар закрыл глаз.

Ронан оставил его в покое и зашагал дальше, гремя ведерками и позволяя сонному цветку следовать за ним, хотя при дневном свете он в нем не нуждался. К тому времени, когда Ронан миновал самый большой загон, он уже был не один. Трава по обе стороны тропинки двигалась. Сурки, крысы, несуществующие животные торопливо выбирались из травы и бежали сзади и спереди. На кромке леса появились олени. Пока они стояли неподвижно, их темные шкуры были невидимы.

Многие были настоящими. Обычные вирджинские белохвостые олени, которых Ронан прикармливал и приручал просто ради удовольствия. Этому способствовало присутствие вымышленного молодого самца, который жил среди них. Он был очаровательный, светлый, с длинными трепетными ресницами и рыжими, как у лисы, ушами. Он первым принял подношение Ронана – блок соли, который тот выкатил на поле, – и позволил погладить короткий жесткий мех у себя на холке и вытащить репей из мягкой шерсти за ушами. Один из диких оленей съел несколько кусочков с ладони Ронана, а остальные стояли и терпеливо ждали, когда тот насыплет корм на траву. Возможно, кормить их запрещалось. Ронан никогда не мог запомнить, кого в Вирджинии разрешалось кормить и отстреливать.

Мелкие зверьки подобрались ближе, кто-то поскреб лапой его сапог, кто-то сел рядом на траву, прочие вспугнули оленей. Ронан бросил еды и им и осмотрел на предмет ран и клещей.

Он вдыхал. И выдыхал.

Ронан задумался, как, по его мнению, должна была выглядеть защитная кожа для Ганси. Может, ей не обязательно быть невидимой? Может, сделать ее серебристой? И с огоньками.

Ронан ухмыльнулся при этой мысли, внезапно почувствовав себя глупым и ленивым. Он встал, позволяя дневным ошибкам скатиться с его плеч наземь. Когда он потянулся, молодой белый олень поднял голову и внимательно взглянул на него. Остальные заметили внимание сородича и тоже посмотрели на Ронана. Они были прекрасны, как его сны, как Кабесуотер, только сейчас Ронан не спал. Каким-то образом, незаметно для него, пропасть между бодрствованием и сном начала сокращаться. Хотя половина этого странного стада погрузилась бы в сон, если бы Ронан умер, пока он находился здесь, пока вдыхал и выдыхал, он был королем.

Он оставил свое дурное настроение в поле.

Ронан вернулся в дом и заснул.

4

Лес был Ронаном.

Он лежал ничком на земле, вытянув руки и впившись пальцами в землю, в поисках силовой линии. Он чувствовал, как горят и падают листья. Смерть и возрождение. Воздух был его кровью. Голоса, шепотом обращавшиеся к нему сверху, были его голосами, которые накладывались друг на друга. Ронан, перемотать; Ронан, снова; Ронан, снова.

– Вставай, – сказала на латыни Девочка-Сирота.

– Нет, – ответил Ронан.

– Ты в ловушке? – спросила она.

– Не хочу уходить.

– А я хочу.

Он посмотрел на нее – непонятно как, потому что он по-прежнему лежал, запутавшись в собственных корнях-пальцах и в черных ветвях, которые росли из татуировки на его обнаженной спине. Девочка-Сирота стояла, держа в руках ведро. Глаза у нее были темные и запавшие – глаза вечно голодного или вечно чего-то жаждущего существа. Белая шапочка была низко надвинута на светлые, коротко стриженные волосы.

– Ты просто кусок сна, – объяснил Ронан. – Какая-то подсознательная хреновина из моего воображения.

Она заскулила, как щенок, получивший пинка, и Ронан немедленно разозлился на нее – или на себя. Почему он не может просто сказать, что она такое?

– Я искал тебя, – сказал он, просто потому что вспомнил об этом.

Присутствие Девочки-Сироты снова и снова напоминало ему, что он во сне.

– Керау, – произнесла она, всё еще дуясь.

Ронан рассердился, когда услышал, что она украла имя, которым называла его Бензопила.

– Придумай свое прозвище, – сказал он, но ему уже надоело проявлять твердость, даже если это была просто честность.

Девочка-Сирота села рядом, подтянув колени к груди.

Прижавшись щекой к прохладной земле, он потянулся еще глубже. Его пальцы касались личинок и червей, кротов и змей. Личинки разворачивались, когда он миновал их. Черви ползли следом. Кротовий мех касался Ронана. Змеи обвивались вокруг рук. Он и был всеми ими.

Ронан вздохнул.

На поверхности земли Девочка-Сирота покачивалась и тихонько пела жалобную песенку, тревожно поглядывая на небо.

– Periculosum, – предупредила она. – Suscitat.

Он, впрочем, не чуял никакой опасности. Только земля, и силовая линия, и ветви-вены. Дом, дом.

– Это здесь, внизу, – сказал Ронан.

Земля поглотила его слова и выпустила новые побеги.

Девочка-Сирота прислонилась спиной к ноге Ронана и задрожала.

– Quid... – начала она, а затем, запинаясь, продолжила по-английски: – Что это?

Это была кожа. Светящаяся, почти прозрачная. Ронан почти целиком ушел под поверхность и мог разглядеть, как она выглядела. Она имела форму тела – как будто росла под землей, как будто ждала, когда ее выкопают и освободят. На ощупь она напоминала спальный мешок в комнате Мэтью.

– Держу, – сказал Ронан, возя пальцами по поверхности.

«Помоги мне не выпустить ее». Он, видимо, только подумал это, но не сказал вслух.

Девочка-Сирота начала плакать.

– Осторожно, осторожно!

Она едва успела договорить, как он почувствовал...

Что-то?

Кого-то?

Кого?

Это была не холодная и сухая змеиная чешуя. Не теплое и быстрое сердцебиение кро- тов. Не мягкость червей, похожих на шевелящуюся землю, не гладкая малоподвижная плоть личинок.

Это было что-то темное.

Оно текло.

Не столько существо, сколько НЕ существо.

Ронан не стал ждать. Он сразу же распознал кошмар.

– Девочка, – позвал он. – Вытащи меня.

Одной рукой-корнем он схватился за волшебную кожу, спешно пытаясь запомнить это ощущение. Вес, плотность, реальность...

Девочка-Сирота копала руками землю вокруг Ронана, как собака, издавая тихие испу- ганные звуки. Как же она ненавидела его сны.

Тьма, которая не была тьмой, ползла к Ронану сквозь землю. Она пожирала то, к чему прикасалась. Или, точнее, сначала оно было, а потом переставало быть.

– Быстрее, – сказал Ронан, отступая вместе с кожей, которую стискивал своими кор- нями-пальцами.

Он мог бросить волшебную кожу и проснуться.

Но он не хотел ее бросать. Она могла помочь Ганси.

Девочка-Сирота ухватила его за ногу, или за руку, или за одну из ветвей. Она тянула, тянула, тянула, пытаясь вытащить Ронана из-под земли.

– Керау, – плакала она.

Темнота проедала себе путь вверх. Если бы ей удалось схватить Ронана за руку, он, возможно, проснулся бы без руки. Он еще мог обойтись малой кровью...

Девочка-Сирота выдернула его из земли и упала. Тьма вырвалась из дыры за спиной у Ронана. Не успев ни о чем подумать, он накрыл девочку собой.

«Нет ничего невозможного», – сказал лес, или мрак, или Ронан.

Он проснулся. Он не мог двинуться, как всегда бывало, когда Ронан выносил из сна пред- мет – любого размера. Он не чувствовал собственных рук («Пожалуйста, – подумал Ронан, – пожалуйста, пусть у меня еще будут руки») и ног («Пожалуйста, пожалуйста, пусть у меня еще будут ноги»). Несколько долгих минут он провел, глядя в потолок. Ронан лежал на старой клетчатой кушетке в гостиной и смотрел на те самые три трещины, которые много лет подряд складывались в букву М. Вокруг пахло орехами и самшитом. Бензопила, вспорхнув, взлетела над кушеткой и тяжело опустилась ему на левую ногу.

Значит, у него как минимум осталась одна нога.

Ронан никак не мог сформулировать, что делало ту тьму такой жуткой – теперь, когда он ее не видел.

Его пальцы медленно обрели подвижность. Значит, они тоже уцелели.

Волшебная кожа лежала рядом, она наполовину сползла с кушетки. Кожа была прозрач- ной и нематериальной на вид, в грязи, местами порвана в клочья. Все конечности у Ронана остались на месте, а вот одежда нуждалась в стирке. Еще он умирал от голода.

Мобильник загудел, и Бензопила, хлопнув крыльями, перелетела на спинку кушетки. В норме Ронан не стал бы отвечать на звонок, но воспоминание о пустоте во сне так смутило его,

что он, воспользовавшись своими едва ожившими пальцами, вытащил телефон из кармана и убедился, что это не Мэтью.

Сообщение прислал Ганси. «Пэрриш хочет знать не убится ли ты во сне прямо сейчас пожалуйста сообщи».

Прежде чем Ронан успел выразить какие-либо чувства по поводу осведомленности Адама, Бензопила вдруг низко пригнула голову. Перья у нее на шее встали дыбом. Она насторожилась. Взгляд птицы был устремлен на какую-то точку в другом конце комнаты.

Приподнявшись, Ронан проследил его. Поначалу он не увидел ничего, кроме обычной тесноты в гостиной. Кофейный столик, телевизор, игровой автомат, корзина для тростей. А потом он заметил какое-то движение под столом.

И застыл.

До Ронана постепенно дошло, на что он смотрит.

– Черт, – сказал он.

5

Блу Сарджент выгнали из школы.

Всего на один день. За двадцать четыре часа, предположительно, она должна была избавиться от желания злонамеренно крушить всё вокруг, «и, честно говоря, Блу, от удивительно плохого поведения». Блу понимала, что ей должно быть стыдно, но никак не могла заставить себя стыдиться; школьные дела совершенно не казались реальными по сравнению со всем остальным. Стоя в коридоре перед кабинетом директора, она слышала, как Мора объясняет, что у них недавно умерла родственница, что совсем недавно вернулся биологический отец Блу, что всё это очень травматично. Возможно – добавила Мора, от которой пахло полыньё (следовательно, она проводила какой-то ритуал с Джими, пока Блу была в школе) – возможно, ее дочь даже не признавала, что делает.

О нет, Блу прекрасно всё признавала.

И теперь она сидела под буком на заднем дворе дома номер 300 на Фокс-Вэй, злая и в скверном настроении. В глубине души Блу признавала, что у нее проблемы – проблемы гораздо более серьезные, чем всё то, что случалось до сих пор. Но другая, ближайшая часть радовалась: целый день не придется притворяться, будто ее интересуют уроки! Блу бросила поеденный жуками буковый орешек, и тот ударился о забор с таким треском, словно выстрелили из пистолета.

– Есть идея.

Сначала она услышала голос, потом почувствовала холод. В следующую секунду к ней присоединился Ной Черни, как всегда в синем школьном свитере. «Присоединился», наверное, было неподходящим словом. Ной, скорее, «проявился». Еще больше подходило словосочетание «оптический обман». Или, точнее, «обман чувств». Блу редко удавалось отследить тот конкретный момент, когда возникал Ной. Не то чтобы он появлялся постепенно. Но мозг Блу как будто переписывал предшествующую минуту и внушал девушке, что Ной с самого начала сидел рядом.

Иногда было немного жутко дружить с мертвецом.

Ной дружелюбно продолжал:

– У тебя, значит, трейлер. Не как у Адама. Просто прицеп.

– Что? У меня?

– У тебя. У тебя. Как это называется, когда что-то есть у всех, а говоришь про себя одного? Какое-то грамматическое правило.

– Не знаю. Спроси у Ганси. В каком смысле – «трейлер не как у Адама»?

– Безличное «ты»? – предположил Ной, словно не слыша ее. – Ладно, проехали. Я имею в виду – ну, вообще. Вот, скажем, ты придумываешь пять суперских рецептов, как жарить курицу. Гриль-бар. Так называется, да? – Он щелкнул пальцами. – Ну, типа, курица по-мексикански. Карри с медом. Барбекю. Э... терияки. И... что-то там с чесноком. Дальше нужны напитки. Чтоб люди к ним привыкали. Пусть думают: а-а, мне до смерти хочется курочки с карри и медом, да, и чай с лимоном, черт, да, побольше, побольше, ура!

Он был очень оживлен. Блу его давно таким не видела. Этот Ной, восторженный и болтливый, несомненно, напоминал того, каким был при жизни – скейтбордист из Агленби, обладатель ярко-красного «Мустанга»... Блу вдруг поразила мысль, что, возможно, она никогда не подружилась бы с тем, прежним Ноем. Он не был плох. Просто юн... и совсем не так, как она. И думать об этом было неприятно.

– ... и я бы назвал его – ты готова? – «МИР КУРИЙ!» Дошло? «Куда мы сегодня едем?» «Пожалуйста, мама, в МИР КУРИЙ!» – Ной поддел коротенький хвостик Блу, так что тот

стукнул ее по затылку. – Ты будешь носить маленькую бумажную шапочку. И представлять «МИР КУРИЙ»!

Блу враз потеряла терпение. Она взорвалась.

– Слушай, Ной, хватит, потому что...

Сверху донесся каркающий смех, заставив девушку замолчать. Вниз слетели несколько сухих листьев. Блу и Ной запрокинули головы.

Гвенллиан, дочь Глендауэра, растянулась на мощных ветвях. Ее длинное тело прислонилось к стволу, а ноги обвивали гладкий сук. Как обычно, она являла собой пугающее и дивное зрелище. Темные волосы, напоминающие грозовую тучу, были полны ручек, ключей и обрывков бумаги. Гвенллиан натянула на себя как минимум три платья – и все три задрала до бедер, то ли пока лезла на дерево, то ли нарочно.

– Привет, покойник, – пропела она и достала из волосяной башни с одной стороны сигарету, а с другой зажигалку.

– Ты давно там сидишь? – спросила Блу. – Смотри не убей мое дерево.

Гвенллиан выпустила клуб дыма, пахнувший гвоздикой.

– Ты говоришь как Артемус.

– С чего бы это?

Блу старалась не выказывать досады, но тщетно.

Она и не надеялась, что Артемус заполнит зияющую дыру в ее сердце, но не ожидала, что он просто запрется в кладовке.

Выпустив весьма внушительное кольцо дыма сквозь сухую листву, Гвенллиан оттолкнулась от ствола и соскользнула на нижнюю ветку.

– Этого мелкого любителя ползать по кустам, твоего отца, не так легко понять, о, синяя лилия, лилия синяя. Но опять-таки, эту штуковину там, внизу, тоже понять непросто, не так ли?

– Какую штуковину? Ноя? Ной не ШТУКОВИНА!

– Мы видели птичку в кусте, птичку в кусте, птичку в кусте, – пропела Гвенллиан.

Она соскользнула ниже, потом еще ниже, так что ее сапоги заболтались на уровне глаз Блу.

– И тридцать ее друзей! С нами ты чувствуешь себя вполне живым, маленький покойничек, правда? Одна лилия с ее зеркальной силой, другая со своей зеркальной силой, а ты посередке вспоминаешь жизнь?

Неприятно было сознавать, что Гвенллиан, очевидно, права. Этот веселый, полный жизни Ной с вероятностью мог возникнуть только в присутствии двух волшебных батареек. А еще неприятно было видеть, что Гвенллиан полностью испортила ему настроение. Он опустил голову, так что из виду скрылось всё, кроме вихра на голове.

Блу гневно взглянула на Гвенллиан.

– Ты ужасна.

– Спасибо. – Гвенллиан размашисто спрыгнула наземь и затушила сигарету о ствол бука. На коре осталось черное пятно, которое Блу словно ощутила всей душой.

Она хмуро уставилась на Гвенллиан. Блу была низенькой, а Гвенллиан очень высокой, но Блу очень хотелось посверлить Гвенллиан взглядом, а Гвенллиан как будто сама нарывалась, поэтому у них это как-то получилось.

– Что ты хочешь от меня услышать? Что он мертвый? Ну? И что дальше?

Гвенллиан придвинулась так близко, что их носы соприкоснулись. Ее шепот пах гвоздикой.

– Ты когда-нибудь отгадывала загадку, которой тебе не загадывали?

Калла думала, что Гвенллиан начала петь и говорить загадками из-за того, что провела шестьсот лет в гробнице. Но, глядя теперь в ее радостные яркие глаза и вспоминая, что Гвенл-

лиан погребли живой после того, как она попыталась заколоть любимого поэта Оуэна Глендауэра, Блу подумала, что, вполне возможно, Гвенллиан была такой всегда.

– Разгадать Ноя невозможно, – ответила она, – разве что сделать так... чтобы он ушел. А он не хочет!

Гвенллиан хихикнула.

– «Хочет» и «нужно» – это разные вещи, деточка.

Она постукала сидящего Ноя по затылку мыском сапога.

– Покажи ей, что ты скрываешь, покойничек.

– Ты вовсе не обязан ее слушаться, Ной, – сказала Блу быстро и сразу поняла, что одновременно верит Гвенллиан и боится правды.

Они все знали, что существование Ноя хрупко – оно зависело от причуд силовой линии и местонахождения его физических останков. Блу и Ганси лично видели, что Ноем становилось всё труднее и труднее справляться с собственной... мертвизной. То, что Блу уже знала о Ное, пугало ее. Если было что-то похуже... она сомневалась, что хотела это знать.

Ной вздохнул.

– Я это заслужил. Просто... извини, Блу.

В ней зашевелилась тревога.

– Тебе не за что извиняться.

– Да, – тихо отозвался Ной. – Не... в общем... ладно.

Гвенллиан отступила на шаг, позволяя ему встать. Он поднялся – медленно, скованно, спиной к Блу. И расправил обычно сутулые плечи, словно готовясь к бою. Блу почувствовала, что Ной перестал выкачивать из нее энергию. Ощущение было, как будто она сбросила на землю тяжелый рюкзак.

А потом он повернулся.

Каждое лето в Генриетте проходил карнавал. За торговым центром устраивали огромную ярмарку, и несколько вечеров там мигали огни, лежала примятая трава и продавали пирожное «муравейник». Блу очень старалась полюбить карнавал – она несколько раз ходила туда с одноклассниками (их она тоже старалась полюбить), – но почему-то девушке всегда казалось, что она ждет, когда же произойдет что-нибудь настоящее. Решив, что ей не хватает адреналина, Блу попробовала прокатиться на «свободном падении». Атракцион поднял их наверх – скрип-скроп, скрип-скроп – и ничего. Он толком не работал, и в результате они не упали, а просто опустились, точно таким же образом, как поднялись. Но, пусть даже они так и не рухнули вниз, на долю секунды у Блу что-то оборвалось в животе, как будто ее действительно отпустили лететь в пустоту. И это ощущение казалось тем более странным оттого, что тело не сдвинулось ни на сантиметр.

Именно так она почувствовала себя теперь.

– О... – сказала она.

Пустые мертвые глаза, оскаленные зубы, душа, виднеющаяся между обнаженными костями. Это существо умерло много лет назад. Невозможно было не замечать, как разложилась душа Ноя, как отдалилась она от человеческого состояния, как истончилась от долгого времени, проведенного без биения сердца.

Ной Черни умер.

И ничего другого не осталось.

Это была правда.

Тело Блу судорожно дрожало. Она целовала это. Это тонкое, холодное воспоминание о человеке.

Поскольку Ной представлял собой одну лишь энергию, он читал воспоминания Блу так же легко, как слышал слова. Она почувствовала, как он проник в ее мысли и прошел насквозь.

Он прошептал:

– Я же сказал – прости.

Блу сделала глубокий вдох.

– А я сказала, что тебе не за что извиняться.

И она не покривила душой.

Ее не отталкивало, что это... оно... Ной... был странным, разложившимся, пугающим. Она знала, что это... оно... Ной... странный, разложившийся, пугающий – и всё равно его любила.

Блу обняла это существо. Ноя. Ее не смущало, что он перестал быть человеком. Она звала бы его – чем бы оно ни было – Ноем до тех пор, пока он сам хотел, чтобы его так звали. И Блу радовалась, что в ту минуту он мог прочесть ее мысли: девушка желала, чтобы он знал, что она абсолютно в этом уверена.

Ее тело стало холодным, как лед: обвив Ноя руками за шею, она позволила ему черпать из себя энергию.

– Не говори остальным, – попросил он.

Когда Блу отступила, поверх мертвенных черт вновь появилось мальчишеское лицо.

– Тебе надо уйти? – спросила Блу.

Она имела в виду «уйти навсегда», но не смогла произнести это вслух.

Он шепотом ответил:

– Пока нет.

Блу вытерла слезинку тыльной стороной ладони. Еще одну – с другой щеки – стер Ной. На подбородке у него появилась ямочка, как бывает у человека, собирающегося заплакать, но Блу коснулась ее пальцами, и она исчезла.

Оба стремительно двигались к какому-то концу, и оба знали это.

– Хорошо, – сказала Гвенллиан. – Ненавижу лжецов и трусов.

И немедленно принялась карабкаться обратно на дерево. Блу повернулась к Ною, но он исчез. Возможно, он пропал раньше, чем Гвенллиан заговорила; как и в случае с его появлением, трудно было в точности определить момент, когда он исчезал. Мозг Блу уже переписал все секунды по соседству с исчезновением Ноя.

Отстранение от занятий казалось полузабытым сном. Что было реально? Вот это.

Кухонное окно со скрипом распахнулось, и Джими крикнула:

– Блу! Тут твои парни, и у них такой вид, как будто они ищут, где похоронить труп!

«Опять?» – подумала Блу.

6

Когда Блу залезла в черный «Шевроле» Ганси, то обнаружила, что Ронан, со свежесбритым черепом, готовый к бою, уже угнездился на заднем сиденье, задрал ноги. То, что он сидел сзади, а не на своем обычном «троне» впереди, намекало, что у парней какие-то проблемы. Вместо Ронана на пассажирском месте рядом с Ганси сидел Адам, в белой футболке и чистом рабочем комбинезоне, спущенном до пояса. Ганси – в школьной форме и с наэлектризованным выражением лица, которое испугало Блу, – был за рулем. Его широко раскрытые глаза блестели, словно по ту сторону радужки горела спичка. Блу уже видела Ганси таким оживленным, но только когда они были вдвоем.

– Привет, Джейн, – сказал он, и его голос был бодрым и насыщенным, как и взгляд.

Трудно было не увлечься этим Ганси; в своем напряжении он одновременно источал силу и вызывал беспокойство.

«Не глазей»... слишком поздно. Адам застучал ее. Блу отвела глаза и деловито принялась подтягивать высокие сапоги.

– Привет.

Ганси спросил:

– Ты можешь съездить с нами? Или у тебя дела? Уроки?

– Никаких уроков, меня временно вышибли.

– Да ладно, – сказал Ронан с явным восхищением. – Сарджент, ну ты оторва.

Блу неохотно стукнулась с ним кулаками. Ганси многозначительно наблюдал за ней в зеркальце заднего вида.

Адам развернулся в другую сторону – направо, а не налево, так что теперь ему приходилось смотреть на Блу, выглядывая из-за кресла. Это выглядело так, как будто он прятался, но Блу знала: Адам просто хотел повернуться к ним здоровым ухом, а не глухим.

– А за что?

– Выхватила у одного парня рюкзак и высыпала всё содержимое ему же на капот. Честно, я не хочу об этом говорить.

– А я хочу, – заметил Ронан.

– А я нет! Я этим вовсе не горжусь.

Ронан похлопал ее по коленке.

– Я буду гордиться вместо тебя.

Блу устремила на него испепеляющий взгляд, но впервые за весь день почувствовала, что ей удалось обрести опору. Не то чтобы обитательницы дома номер 300 на Фокс-Вэй не были ее семьей – к ним уходили ее корни, и ничто не могло этого преуменьшить. Но в этой другой семье, собравшейся в машине, ощущалось нечто новое и могучее. Они все росли и привыкали друг к другу, как деревья, которые вместе тянутся к солнцу.

– Так что случилось?

– Ты не согласишься, – сказал Ганси по-прежнему холодным и необыкновенно вежливым тоном, который намекал, что он раздражен. – Вообще-то изначально я собирался заехать к вам и поговорить с Артемусом о Глендауэре. Но Ронан решил иначе. У него другие планы на наш вечер. Гораздо более рациональное использование нашего времени.

Ронан подался вперед.

– Скажи, папочка, ты злишься, что я облажался или что прогулял школу?

Ганси ответил:

– По-моему, лажей можно считать то и другое. Тебе так не кажется?

– Не надо, – попросил Ронан. – Это так вульгарно звучит в твоём исполнении.

Машина сорвалась с места, и Адам понимающе взглянул на Блу. Его лицо гласило: «Да, они уже некоторое время так разговаривают». Блу испытала странную благодарность за этот беззвучный обмен мыслями. После неприятного разрыва (а они вообще были парой?) Блу убеждала себя, что Адам слишком обижен или смущен, чтобы оставаться ее другом. Но он пытался. И она пыталась. И, казалось, всё шло нормально.

Но она любила лучшего друга Адама и скрывала это.

Ощущение спокойствия немедленно покинуло Блу, сменившись тем самым чувством, которое посетило ее за секунду до того, как она вытряхнула рюкзак одноклассника ему же на капот. Все эмоции слились в белую пелену.

Нужно было как-то с этим справляться.

– Ганси, чувак!!!

Они все вздрогнули, услышав в открытое окно этот крик. Машина остановилась на светофоре неподалеку от главных ворот Агленби. На тротуаре стояла кучка ребят с плакатами. Ганси неохотно отсалютовал им тремя пальцами, вызвав очередной залп радостных возгласов.

Вид всех этих парней в школьной форме немедленно всколыхнул неприятное чувство в душе Блу. Это было давно сдерживаемое, многоголовое ощущение, которое складывалось из предубеждений, личного опыта и зависти, но Блу старалась не обращать на него внимания. Не то чтобы она признала, что ее отрицательное мнение о «Воронятах» ошибочно. Но знакомство с Ганси, Адамом, Ронаном и Ноем усложняло сценарий. В те времена, когда она считала, что имеет право презирать их всех с высоты морального превосходства, было гораздо проще.

Блу вытянула шею, пытаясь прочесть надписи на плакатах, но парни держали их как попало, в основном развернув в сторону от дороги. Она задумалась, превратилась бы Блу Сарджент, ученица Агленби, в Блу Сарджент – участницу акции протеста.

– А что их не устраивает? – спросила она.

– Жизнь, – ответил Адам сухо.

Блу узнала одного из парней, стоявших на тротуаре. У него были черные волосы, которые незабываемым образом стояли дыбом, и кеды, буквально кричавшие о том, сколько они стоят.

Генри Чень.

В последний раз она видела его, когда ездила на тайное свидание с Ганси. Подробности Блу не помнила, за исключением того, что суперэлектромобиль Ченя сломался на дороге, он отпустил шуточку, которую она не сочла смешной, и напомнил ей обо всем, чем она отличалась от Ганси. Это был не лучший финал свидания.

Генри явно вспомнил и ее, потому что широко улыбнулся и указал двумя пальцами сначала на себя, а потом на Блу – «я за тобой наблюдаю».

Коллекция смешанных чувств пополнилась новыми образцами.

– Как это называется, когда говоришь «ты», но имеешь в виду всех вообще? – спросила Блу, подавшись вперед и по-прежнему смотря на Ченя.

– Обобщенное «ты», – ответил Ганси. – Кажется.

– Да, – подтвердил Адам.

– Во выпендриваются, – сказал Ронан.

Трудно было понять, имел ли он в виду Ганси и Адама с их знанием грамматики или учеников Агленби, которые стояли на улице с самодельными плакатами.

– Ну конечно, – ответил Ганси, по-прежнему холодно и раздраженно. – Упаси боже, чтобы молодые люди выражали свои принципы с помощью публичных, хотя и тщетных протестов. Ведь они могут прогуливать уроки и судить других, сидя на заднем сиденье автомобиля!

– Принципы? Главный принцип Генри Ченя – чтобы о нем напечатали большими буквами в школьном бюллетене, – сказал Ронан и оскорбительно передразнил Генри: – Четырнадцатый? Восемнадцатый? Меньше курсива, больше жирного!

Блу увидела, что Адам одновременно усмехнулся и поспешно отвернулся прочь, чтобы Ганси этого не заметил, но было слишком поздно.

– И ты, Брут? – спросил Ганси. – Досадно.

– Я ничего не говорил, – возразил Адам.

Загорелся зеленый свет, и машина покатила прочь от парней с плакатами.

– Ганси! Ганси! Ричард, чувак!

Это был голос Генри; даже Блу его узнала. Сзади никто не ехал, поэтому Ганси притормозил и высунул голову в окно.

– Чем могу помочь, мистер Чень?

– Э... у тебя задний борт открыт.

Легкомысленное лицо Генри приобрело какое-то сложное выражение. Бодрая улыбка не вполне сошла с него, но за ней что-то крылось. Блу вновь ощутила неуверенность; она знала, что представлял собой Генри, и в то же время совершенно этого не знала.

Ганси бросил взгляд на приборную доску в поисках предупреждающего сигнала.

– Да нет... а.

И произнес с той же интонацией, что и Генри:

– РОНАН.

– Чего? – огрызнулся тот.

Его ревность нетрудно было заметить даже из космоса.

– У нас открыт задний борт.

Сзади кто-то засигналил. Ганси помахал водителю, отсалютовал Генри и нажал на газ. Блу, посмотрев через плечо, успела увидеть, как Генри повернулся к остальным, и его лицо опять, как раньше, расплылось в простодушной широкой улыбке.

Интересно.

Тем временем Ронан изогнулся, чтобы заглянуть за спинки задних сиденьев, в багажный отсек. Он прошипел:

– Не высовывайся!

Он явственно обращался не к Блу. Та прищурилась и осторожно спросила:

– А что конкретно мы сейчас делаем?

Ганси охотно ответил:

– Линч, в его бесконечной мудрости, решил поспать, вместо того чтобы пойти в школу, и притащил с собой больше, чем рассчитывал.

Встреча с Генри явно пробила брешь в бодрой агрессии Ронана. Он огрызнулся:

– Ты мог бы просто сказать, чтобы я сам с этим разобрался. Мои сны не касаются никого, кроме меня.

Адам вмешался:

– Ну нет, Ронан. Я не стою ни на чьей стороне... но ты говоришь чушь.

– Спасибо, – сказал Ганси.

– Слушай, старик...

– Нет, – перебил Ганси. – Джесс Диттли погиб, потому что посторонние люди заинтересовались вашими семейными снами. Поэтому не надо вести себя так, как будто состояние твоих секретов никак не отразится на других. Сны, конечно, твои, но мы все – на линии огня.

Ронан замолчал. Он плюхнулся обратно на сиденье и стал смотреть в окно, прикусив один из своих кожаных браслетов.

Блу услышала достаточно. Она отстегнула ремень безопасности, повернулась и оперлась на подголовник, чтобы заглянуть в грузовой отсек у себя за спиной. Сначала она ничего не увидела. То есть, может быть, и увидела, просто не хотела этого признавать: как только ее глаза заметили сон Ронана, стало ясно, что его нельзя было не увидеть в первую же секунду.

Блу ничто не могло шокировать.

Но тем не менее.

Она спросила:

– Это... ребенок?

Между спортивной сумкой и рюкзаком Ганси, свернувшись, лежало какое-то существо с огромными глазами, которые почти скрывала шапочка, низко натянутая на лоб. На нем был старый, потрепанный, непомерно большой вязаный свитер и серые лосяны... или это были серые ноги? Они заканчивались то ли ботинками, то ли копытцами. Блу подумала, что сходит с ума.

Ронан бесстрастно произнес:

– Я зову ее Девочка-Сирота.

7

Адам предложил поехать в Кабесуотер, и они повезли ее в Кабесуотер.

Впрочем, Адам сам не знал, что они там будут делать; просто Кабесуотер был первым местом, которое пришло ему в голову. Точнее, вторым, но первая мысль была настолько постыдной, что он немедленно отогнал ее.

Адам бросил на существо лишь один взгляд и подумал, что, возможно, это очередной кошмар, который следует убить, ну, или где-нибудь выбросить.

А в следующую секунду – нет, даже быстрее, через полсекунды, почти немедленно – Адам сам себя возненавидел за эту мысль. Ни о чем другом сын Роберта Пэрриша и не мог подумать. «Что, хочешь уйти? Уже собрался? Это твои вещи? Знаешь, да если б ты имел такое право, я бы сам свалил тебя в канаву. Вечно с тобой один цирк».

Он ненавидел себя, и ненавидел своего отца, и передал эти чувства Кабесуотеру у себя в голове, а Кабесуотер их рассеял.

И вот они были в Кабесуотере, Кабесуотере во плоти, сообразно второй мысли Адама – про которую он жалел, что она не первая. Он подумал, что нужно отвезти Девочку-Сироту к матери Ронана, Авроре. Они добрались до поля, которое когда-то заметили с самолета, с огромным силуэтом ворона, выложенным из ракушек. Ганси не мог не ехать по валявшимся на земле ракушкам, но он очень старался не задевать самого ворона. Адам ценил в Ганси это свойство – бесконечную заботу обо всем, что его интересовало.

Машина остановилась. Ганси, Блу и Адам вылезли. Ронан и странная девочка – нет; между ними, казалось, шли какие-то переговоры.

Остальные ждали.

Небо было низким и серым, его пронзали вершины, поднимавшиеся над коричнево-красно-черными деревьями Кабесуотера. С того места, где они стояли, можно было счесть его обычным лесом на обычной вирджинской горе. Но если долго – и правильно – всматриваться в Кабесуотер, становилось видно, как между деревьями перебегают секреты. Тени рогатых животных, которые никогда не показывались на глаза. Мигающие огоньки прошлогодних светлячков. Шелест многочисленных крыльев, шум большой стаи, которая вечно оставалась незаметной.

Магия.

Вблизи леса Адам чувствовал себя очень... Адамом. Его голову переполняло привычное ощущение комбинезона, собравшегося складками на поясице, обычные мысли о завтрашней контрольной по литературе. Казалось, рядом с Кабесуотером он должен стать другим, более странным, но на самом деле чем ближе Адам подходил к Кабесуотеру, тем прочнее укреплялся в настоящем. Зачем сознанию забредать далеко, чтобы пообщаться с Кабесуотером, если телу достаточно поднять руку, чтобы коснуться его?

Странно, но поначалу у Адама не было никакого предчувствия насчет того, чем станет для него это место. Хотя, возможно, он ошибался. Такое количество магии – то есть силы – требовало веры как необходимого условия.

Ганси кто-то позвонил. Адам пошел отлить. Ронан оставался в машине.

Адам обошел машину с другой стороны и приблизился к Блу. Он изо всех старался не смотреть ни на ее грудь, ни на губы. Адам и Блу больше не были парой – если, конечно, они хоть когда-либо были парой, – но разрыв и сознание того, что так будет лучше для обоих, ничуть не уменьшили эстетическую привлекательность их тел друг для друга. Волосы у Блу стали еще непослушнее со времен их первой встречи, они едва держались под заколками, рот сделался небрежнее, он жаждал запретных поцелуев, а поза – жестче, словно ее позвоночник сковали горе и опасность.

– Кажется, нам надо поговорить про... – сказала Блу.

Она замолчала. Глаза девушки были устремлены на Ганси. Адам задумался: сознает ли она, насколько прозрачен ее взгляд. Смотрела ли она когда-нибудь на него с таким же ненасытным видом?

– Да, – ответил Адам.

Он с запозданием осознал, что она, вероятно, хотела обсудить поиски Глендауэра, а не признаться в тайном романе с Ганси. «Что ж, об этом тоже надо поговорить».

– Когда?

– Позвоню сегодня вечером. Хотя нет... я работаю. Завтра после школы.

Они кивнули. Какой-никакой, но план.

Ганси продолжал говорить по телефону.

– Нет, о пробках можешь не волноваться, если только в этот вечер нет розыгрыша лотереи. Автобус? Сколько народу ты ожидаешь? Я не представляю, чтобы... О. Можно задействовать школьный автобус, конечно.

– КЕРАУ!

Блу и Ганси одновременно вздрогнули от этого дикого вопля. Адам, узнав имя, которое Бензопила дала Ронану, посмотрел в небо.

– Господи боже мой, – прорычал Ронан. – Прекрати придуриваться.

Потому что этот звук издала не Бензопила, а маленькая и хрупкая Девочка-Сирота. Она свернулась невероятно маленьким комочком в бесцветной траве за машиной и походила на кучку тряпья. Она покачивалась и отказывалась встать. Когда Ронан что-то прошипел, она вновь завопила ему в лицо. Это был крик не ребенка, а неведомого существа.

Адам уже много раз видел, как претворяются в реальность сны Ронана, и знал, какими свирепыми, прекрасными, пугающими и причудливыми они могут быть. Но эта девочка содержала в себе гораздо больше Ронана, чем все остальные его творения.

Испуганное чудовище.

– Это просто конец света. Напиши мне, если придумаешь что-нибудь еще, – сказал Ганси и убрал телефон. – Что с ней такое?

Его голос звучал неуверенно, словно он сомневался, то ли с ней вправду что-то случилось, то ли она всегда была такая.

– Она не хочет заходить, – сказал Ронан.

Безо всяких церемоний он нагнулся, подхватил девочку на руки и зашагал к краю леса. Теперь, когда ее тонкие ножки болтались в воздухе, стало ясно, что они заканчивались изящными копытцами.

Стоя рядом с Адамом, Блу поднесла руку к губам и вновь опустила ее. Она очень тихо произнесла:

– Ох, Ронан.

Точно так же любой другой человек сказал: «О боже».

Потому что они наблюдали невозможное. Существо из сна было девочкой – и не было; она была сиротой; они не были ее родителями. Адам не мог осуждать Ронана за то, что он столь обширно грезил; Адам и сам имел дело с магией, которую не до конца понимал. Они все воздевали руки к небу и надеялись на комету. С той разницей, что дикая и постоянно расширяющаяся вселенная Ронана Линча существовала в его собственной голове.

– Эксельсиор, – произнес Ганси.

Они вошли в лес вслед за Ронаном.

Кабесуотер бормотал, старые осенние деревья шипели на разные голоса, исчезающие среди замшелых валунов. Для всех них это место значило что-то свое. Адам, хранитель леса, был связан сделкой, благодаря которой он стал глазами и руками Кабесуотера. К этому имела

какое-то отношение усилительная способность Блу. Ронан – Грейуорен – бывал тут гораздо раньше, чем они все, он успел оставить на камнях свои каракули. А Ганси... Ганси просто любил Кабесуотер, со страхом, с благоговением и обожанием.

Деревья над головой перешептывались на тайном языке, и на латыни, и на испорченной смеси того и другого, с добавлением английских слов. Они совсем не говорили по-английски, когда ребята впервые пришли сюда, но Кабесуотер учился. Быстро. Адам невольно подумал, что за этой языковой эволюцией кроется какой-то секрет. Были ли они первыми англоговорящими людьми, посетившими Кабесуотер? Если нет, почему деревья начали еле-еле говорить по-английски только теперь? И откуда взялась латынь?

Он уже почти видел правду, скрытую за этой загадкой...

– Salve, – поздоровался с деревьями неизменно вежливый Ганси.

Блу протянула руку и коснулась ветки. Она не нуждалась в словах, чтобы приветствовать Кабесуотер.

«Привет», – шелестом отозвались деревья. Листья зашевелились пальцы Блу.

– Адам? – позвал Ганси.

– Секунду.

Они ждали, пока Адам сориентируется. Потому что на силовой линии можно было договориться со временем и пространством. Они вполне могли выйти из этого леса не тогда и не там, где зашли. Поначалу действие этого феномена казалось хаотическим, но постепенно, по мере того как Адам все более впадал в ритм силовой линии, он начал понимать, что временные аномалии имеют свои правила, просто не линейные, которые они принимали как данность в обычном мире. Это больше походило на дыхание. Его можно задержать. Можно дышать быстрее или медленнее. Можно дышать в такт человеку, который стоит рядом. Двигаться по Кабесуотеру предсказуемым образом значило ориентироваться на имеющиеся ритмы дыхания. Двигаться с ним, а не против него, если ты хотел вернуться в то самое время и место, которое покинул.

Закрыв глаза, Адам позволил силовой линии на несколько мгновений завладеть своим сердцем. Теперь он знал, в каком направлении она текла под их ногами, и чувствовал, как она пересекалась с другой линией за много миль слева и с еще двумя справа. Откинув голову назад, он ощутил покаяние звезд и понял свое местоположение относительно них. Внутри него Кабесуотер осторожно выпускал лозы, испытывал настроение Адама, как обычно, не пробуя на прочность границы (в последнее время он делал это только в случае острой необходимости). Кабесуотер пользовался разумом и глазами Адама, чтобы исследовать землю под ногами, зарыться вглубь в поисках воды или камней в качестве ориентиров, затем двинуться дальше...

Поскольку Адам много практиковался, он много чего умел, но это... как это вообще называлось? Гадание, ясновидение, магия, магия, магия. У него не просто хорошо получалось – он желал этого, стремился к этому, любил это и был преисполнен благодарности. До сих пор он не знал, что способен любить. Они с Ганси однажды поругались – Ганси с отвращением сказал: «Перестань говорить о привилегиях. Любовь – это не привилегия». Но Ганси всегда был окружен любовью и всегда умел любить. Теперь, когда Адам открыл это чувство в себе, он сильнее прежнего уверился, что не ошибся. Основой основ, источником жизненных сил для Адама была нужда. А любовь казалась привилегией. Теперь Адам чувствовал, что она досталась ему, и не желал от нее отказываться. Он хотел снова и снова вспоминать это ощущение.

И вот когда Адам полностью раскрыл для него свои органы чувств, Кабесуотер неуклюже попытался вступить в контакт со своим магом-человеком. Он взял воспоминания Адама и принялся крутить и выворачивать их, подгоняя к иероглифическому языку снов. Грибы на дереве; Блу, чуть не упавшая от спешки, так она торопилась поскорее уйти; ссадина на запястье; особая складка кожи в точности между бровями (Адам знал, что так хмурился Ронан); змея, исчеза-

ющая под мутной поверхностью озера; большой палец Ганси, касающийся нижней губы; открытый клюв Бензопилы и выползающий из него червяк...

– Адам? – спросила Блу.

Он вынырнул из своих мыслей.

– Да. Я готов.

Они пошли дальше. Трудно было сказать, сколько времени понадобится, чтобы добраться туда, где жила мать Ронана – иногда это не занимало ни минуты, а иногда целую вечность, и Ронан сердито жаловался на это, неся Девочку-Сироту на руках. Он попытался убедить ее пойти своими ногами, но она тут же упрямой бескостной кучкой свернулась на земле. Ронан не желал тратить время на борьбу с ней; он снова поднял ее на руки и понес – с очень сердитым видом.

Девочка-Сирота, очевидно, понимала, что слишком сильно дергает за ниточки; пока Ронан шел, толкая ее на каждом шаге, она издала одну решительную ноту, одновременно брыкнув копытцами. В следующее мгновение невидимая птица откликнулась другой нотой, тремя ступенями выше. Девочка-Сирота взяла тоном выше, и другая незримая птица повторила тот же интервал. Третья нота – третья птица. Они перекликались так, пока вокруг не завертелась песня, синкопированный танец, состоявший из детского голоса и невидимых птиц, которые то ли существовали, то ли нет.

Ронан сердито глянул на Девочку-Сироту, но всем было ясно, что значит этот взгляд. Он держал ее крепко и бережно.

От Адама не ускользнуло, как хорошо они знали друг друга. Девочка-Сирота не была случайным существом, выхваченным из лихорадочного сна. Они вели себя по привычным эмоциональным сценариям, как близкие родственники. Она прекрасно знала, как управлять бурным нравом Ронана, а он помнил, насколько резким можно быть с ней. Они дружили, хотя даже с вымышленными друзьями Ронана было нелегко ладить.

Девочка-Сирота продолжала выкрикивать свою часть мелодии, и было ясно, что эта эксцентричная песня имеет нечто общее с настроением не только Ронана, но и Ганси. Спор в машине очевидно выскользнул у него из головы; он поднял руки и водил ими в такт музыке, как дирижер, ловя падающие осенние листья, когда те пролетали рядом. Каждая мертвая сухая завитушка, которой Ганси касался кончиками пальцев, превращалась в золотую рыбку, которая плавала в воздухе. Кабесуотер внимательно прислушивался к его намерениям – всё больше листьев, кружась, летело к нему и ждало прикосновения. Скоро целая стая – косяк – поток рыб окружил Ганси. Они сверкали, носились туда-сюда и меняли цвет, когда солнечные лучи падали на их чешуйки.

– У тебя всегда рыба, – сказала Блу и засмеялась, когда они, щекоча, закружились вокруг ее шеи и рук.

Ганси взглянул на нее и потянулся к следующему листку. Оба лучились радостью. Адам подумал: как чисто и просто Блу и Ганси любили магию Кабесуотера.

«Легко им быть такими светлыми».

Кабесуотер осторожно ткнулся в сознание Адама, вызывая десяток счастливых воспоминаний прошлого года – ну, больше им неоткуда было взяться, ведь даже Кабесуотер вряд ли сумел бы обнаружить счастливые воспоминания до появления Ганси и Ронана. Адам еще сопротивлялся, но в голове у него замелькали образы его самого. Адам с точки зрения остальных. Потаенная улыбка, удивленный смех, руки, устремленные к солнцу. Кабесуотер не вполне понимал людей, но он учился. Счастье, твердил он. Счастье.

Адам смягчился. Они продолжали идти, и Девочка-Сирота напевала свою песню, и рыбки продолжали носиться в воздухе вокруг, и Адам добавил к ним свое желание.

Получившийся в результате гул удивил даже самого Адама; он немедленно услышал его одним ухом и ощутил обеими ногами. Остальные испугались, когда в начале очередного

такта мелодии прозвучал еще один басовитый раскат. Третий «бум» явственно был в такт музыке. Все деревья, мимо которых они проходили, звучали этим преображенным гулом, пока звук вокруг не превратился в пульсирующий электронный ритм, который неизменно играл в машине Ронана или в его наушниках.

– О боже, – сказал Ганси; впрочем, он смеялся. – Нам и здесь придется это терпеть? Ронан!

– Это не я, – ответил тот.

Он посмотрел на Блу. Та пожала плечами. Ронан перехватил взгляд Адама. Когда у того дернулись губы, лицо Ронана застыло на миг, а затем расплылось в улыбке, которую он обычно приберегал для глупостей Мэтью. Адам ощутил одновременно прилив удовлетворения и куража. Он шел по краю. Заставив Ронана Линча улыбнуться, он почувствовал себя таким же наэлектризованным, как в ту минуту, когда заключил сделку с Кабесуотером. С обеими этими силами не стоило шутить.

Девочка-Сирота внезапно замолкла. Адам поначалу подумал, что она каким-то образом поддалась его настроению. Но нет. Они достигли долины роз.

Аврора Линч жила на поляне, окруженной с трех сторон роскошными, пышными розами, которые росли на кустах, лозах и деревьях. Цветы ковром устилали землю и водопадом лились с четвертой стороны – с крутого каменного карниза на склоне горы. Воздух был насыщен солнцем, как свет, видимый сквозь воду, и отдельные лепестки парили в нем, словно плавали. Всё было розовым, нежно-белым или ярко-желтым.

Весь Кабесуотер представлял собой сон, но розовая долина была сном во сне.

– Возможно, девочка составит Авроре компанию, – сказал Ганси, наблюдая, как последние рыбки выплывают с поляны.

– Сомневаюсь, что можно просто всучить человеку ребенка и ожидать, что он будет в восторге, – парировала Блу. – Это же не кошка.

Ганси открыл рот, и Адам понял, что тот готовится произнести фразу на грани оскорбления. Он перехватил взгляд Ганси. Тот закрыл рот. Подходящий момент прошел.

Впрочем, Ганси не то чтобы ошибался. Аврора была создана, чтобы любить – и она любила, применяясь к каждому предмету своих чувств. Она обнимала младшего сына, Мэтью, и расспрашивала Ганси про знаменитых исторических личностей, и приносила Блу странные цветы, которые находила во время прогулок, и позволяла Ронану показывать ей то, что он пришил или сделал на предыдущей неделе. Адаму она задавала вопросы типа: «Откуда ты знаешь, что видишь желтый цвет таким же, как я?» И внимательно слушала, пока он объяснял. Иногда Адам пытался добиться объяснений от самой Авроры, но она не особенно любила размышлять – ее вполне устраивало слушать других, которые размышляли охотно.

Иными словами, они знали, что Аврора полюбит Девочку-Сироту. Правильно или нет было давать Авроре еще один объект для любви – другой вопрос.

– Мама, ты здесь? – голос Ронана звучал иначе, когда он разговаривал с матерью или с Мэтью. Это был Ронан неосуществленный.

Нет. Ронан незащищенный.

Адам вспомнил беззастенчивую улыбку Ронана, которую видел чуть раньше. «Не играй, – велел он себе. – Это не игра».

Но, честно говоря, это и не казалось игрой. Адреналин шептал в его сердце.

Появилась Аврора Линч.

Она показалась не из домика, не пришла по тропинке, ведущей на поляну. Она возникла прямо из стены роз, каскадом спускавшихся со скалы. Было невозможно, чтобы женщина прошла сквозь камень и розы, но Аврора это сделала. Ее золотые волосы, переплетенные розовыми бутонами и украшенные жемчугами, падали на плечи, как полотнища ткани. Мгновение Аврора казалась одновременно розами и женщиной, а потом стала только Авророй. Кабесуотер

вел себя с ней иначе, чем с остальными: они, в конце концов, были людьми, а она – созданием из мира грез. Они здесь отдыхали, а Аврора жила.

– Ронан, – сказала Аврора, искренне обрадованная (она всегда была искренне рада). – А где мой Мэтью?

– Играет в лакросс или что-то такое, – ответил Ронан. – Где надо потеть.

– А Диклан? – спросила Аврора.

Пауза. На одно биение сердца дольше необходимого.

– Работает, – соврал Ронан.

Все присутствующие взглянули на него.

– О. Он всегда был таким прилежным, – произнесла Аврора.

Она помахала Адаму, Блу и Ганси. Адам, Блу и Ганси помахали в ответ.

– Ты уже нашел своего короля, Ганси?

– Нет, – ответил тот.

– О, – повторила Аврора.

Она обвила руками шею Ронана и прижалась своей бледной щекой к его бледной щеке, как будто он держал в охапке кучу покупок, а не странную маленькую девочку.

– Что ты принес мне сегодня?

Ронан бесцеремонно поставил девочку наземь. Она свернулась у него в ногах – сплошной свитер – и проскулила по-английски с легким акцентом:

– Я хочу уйти!

– А я хочу снова почувствовать правую руку, – огрызнулся Ронан.

– *Amabo te*, Грейуорен, – сказала та.

«Пожалуйста, Грейуорен».

– Да встань ты. – Ронан взял ее за руку, и она поднялась, вытянувшись по струнке рядом с ним и слегка расставив коричневые изящные копытца.

Аврора опустилась на колени, чтобы оказаться на одном уровне с Девочкой-Сиротой.

– Какая она красивая!

Девочка не смотрела на Аврору. Вообще не двигалась.

– Вот прекрасный цветок под цвет твоих глаз. Хочешь поддержать? – спросила Аврора и протянула на ладони розу. Она действительно была цвета глаз девочки – тусклого, грозowego синего. Таких роз не существовало... до этой секунды.

Девочка даже не повернула голову, чтобы посмотреть на розу. Ее глаза были устремлены в какую-то точку позади Адама, а лицо оставалось бесстрастным или скучающим. И до Адама вдруг стало доходить. Лицо Девочки-Сироты было не капризным и не сердитым. Она не дулась.

Адам и сам это переживал, когда сидел, съежившись, возле шкафчика на кухне и рассматривал лампочку на дальней стене, а отец орал ему на ухо. Адам узнавал этот тип страха, когда видел его.

Было нестерпимо смотреть на девочку.

Вместо этого он уставился на тонкие обнаженные ветви. Тем временем Ронан и его мать негромко заговорили. Невероятно, но у Ганси загудел телефон. Он вытащил его и взглянул на экран. Кабесуотер давил на Адама. Блу выкладывала у себя на руке розовые лепестки. Большие деревья на краях полянки продолжали шептать что-то на латыни.

– Нет, мама, – нетерпеливо сказал Ронан, и этот новый тон привлек внимание остальных. – Это не как раньше. Она появилась случайно.

Вид у Авроры был кроткий и полный терпения, и это явно бесило ее среднего сына.

– Да, – настаивал он, хотя она не возражала. – Я видел кошмар, и в нем что-то было не как всегда.

Блу быстро вмешалась:

– А как?

– Какая-то... в общем, что-то не то. Черное и по ощущениям стремное. – Ронан угрюмо уставился на деревья, словно они могли подсказать ему нужные для объяснения слова.

Наконец он добавил:

– Разложившееся.

Это слово поразило их всех. Блу и Ганси переглянулись, как будто продолжая прерванный разговор. Адам припомнил тревожные образы, которые явил ему Кабесуотер, когда он впервые вошел в лес. Золотистая радость Авроры слегка угасла.

Она сказала:

– Лучше я вам всем кое-что покажу.

8

Кбольшой досаде Ганси, мобильник здесь работал.

В норме Кабесуотер перебивал сигнал, но сегодня телефон вибрировал от прибывающих сообщений про намечавшуюся в Агленби акцию по сбору средств, пока сам Ганси лез то вверх на гору, то вниз.

Мамины эсэмэски напоминали правительственные документы.

«Директор Чайлд согласился со мной, что время поджигает, но, к счастью, у моей команды достаточно опыта, чтобы всё организовать быстро. Будет так чудесно устроить это вместе с тобой и твоими товарищами по школе».

Папа писал весело, в тоне мужской беседы.

«Суть не в деньгах, вечеринка и вечеринка. Не зови это акцией по сбору средств, мы же просто хотим повеселиться».

Сестра Хелен сразу переходила к главному.

«Скажи сразу, сколько актов непристойного поведения со стороны твоих приятелей дойдет до прессы, и я начну разруливать ситуацию уже сейчас».

Ганси продолжал думать, что связь вот-вот оборвется, но она оставалась сильной и уверенной. В результате он получил сообщение о количестве мест в отеле Генриетты для иногородних гостей в ту самую минуту, когда обозревал волшебное дерево, которое истекало какой-то черной, ядовитой на вид жидкостью.

«Грейуорен, – шептал голос с далеких ветвей. – Грейуорен».

Жидкость сочилась из-под коры, как пот, стекая медленным ядовитым ручьем. Они все уставились на нее, кроме странной девочки, которая уткнулась лицом в Ронана. Ганси ее не винил. На дерево было... трудно смотреть. Он не задумывался, как мало в природе чисто черного цвета, пока не увидел этот сок цвета дегтя. Абсолютная чернота, вздувавшаяся пузырями на стволе, казалась ядовитой... или искусственной.

У Ганси снова загудел мобильник.

– Ганси, чувак, это большое дерево мешает твоим переговорам? – поинтересовался Ронан.

Проблема заключалась в том, что переговоры мешали больному дереву. Кабесуотер был для Ганси убежищем. Появление эсэмэсок здесь и сейчас казалось таким же неуместным, как чернота, сочившаяся из ствола. Ганси отключил телефон и спросил:

– Оно здесь одно такое?

– Его я нашла, когда гуляла, – ответила Аврора.

Лицо у нее оставалось безмятежным, но она то и дело проводила рукой по волосам.

– Дереву больно, – сказала Блу, запрокидывая голову и глядя на вянущую листву.

Это темное дерево было противоположностью Кабесуотеру. Чем больше времени Ганси проводил в волшебном лесу, тем сильнее благоговел. Чем дольше он смотрел на темный сок, текущий по стволу, тем сильнее тревожился.

Он спросил:

– А это штука что-нибудь делает?

Аврора склонила голову набок.

– В смысле? Помимо того, что есть?

– Не знаю, – сказал Ганси. – Сам не знаю, что я имел в виду. Это... просто какая-то уродливая болезнь или что-то магическое?

Аврора пожала плечами. Решение проблемы для нее заключалось в том, чтобы найти человека, способного решить проблему. Обходя вокруг дерева и пытаясь изображать полезную деятельность, раз больше ничего не оставалось, Ганси увидел, как Адам присел на корточки перед девочкой с копытцами. Она продолжала смотреть мимо него. Он снял свои дешевые

часы. Потом легонько постучал девочку по руке, чтобы она заметила, что он протягивает их ей. Ганси ожидал, что она не обратит на Адама внимания или откажется от подарка, как отказалась от розы, но девочка не колеблясь взяла часы. С необыкновенной сосредоточенностью она принялась заводить их, а Адам еще несколько секунд сидел перед ней на корточках, сдвинув брови.

Ганси подошел к Ронану, стоявшему у дерева. Вблизи чернота как будто гудела отсутствием звука. Ронан сказал дереву что-то на латыни. Ответа не было.

– Кажется, у него нет голоса, – сказала Аврора. – Просто какое-то странное ощущение. Я то и дело возвращаюсь сюда, даже если не хочу.

– Похоже на Ноя, – произнесла Блу. – Разложение...

Ее голос звучал так грустно, что до Ганси сразу дошло, чего они с Блу на самом деле лишились, держа свои отношения в секрете. Блу делилась энергией с другими, но через прикосновение забирала обратно свою долю. Она постоянно обнимала мать, держала Ноя за руку, брала под локоть Адама, клала ноги на колени Ронану, когда они сидели на кушетке. Прикасалась к шее Ганси между волосами и воротником. Тревога в голосе девушки требовала сплетенных пальцев, положенных на плечи рук, щеки, прижавшейся к груди...

Но поскольку Ганси был слишком труслив, чтобы признаться Адаму, что он влюбился в Блу, ей приходилось стоять вот так и в одиночку нести свою печаль.

Аврора взяла девушку за руку.

От Ганси исходил стыд, черный, как древесный сок.

«Именно так ты хочешь провести остаток дней?»

Его внимание привлекло какое-то движение среди деревьев.

– О, – произнесла Блу.

Три фигуры. Знакомые и невероятные.

Это были три женщины с лицом Блу, ну, или вроде того. Не столько лицо Блу, сколько память о нем. Возможно, разница казалась бы не такой очевидной, если бы сама Блу тут не стояла. Она была настоящей, а они – сном.

И они приближались так, как приближаются сны. Ганси даже не мог понять, шагали ли они по земле, хотя внимательно смотрел на них. Они становились всё ближе. Больше ничего он не знал. Они двигались, воздев руки на уровень лица. Ладони были красными.

– Дорогу, – сказали женщины хором.

Взгляд Ронана метнулся к Ганси.

– Дорогу Королю Воронов, – приказали они.

Девочка-Сирота начала плакать.

Ганси негромко спросил:

– Кабесуотер пытается что-то нам сказать?

Они приближались. За ними тянулись черные тени, а папоротник под их ногами увядал.

– Это кошмар, – сказал Адам.

Правой рукой он цеплялся за запястье левой, вдавив палец туда, где бился пульс.

– Мой кошмар. Я не хотел об этом думать. Кабесуотер, заberi их.

Тени тянулись к черноте на дереве, черная родословная подтверждала их происхождение. Сок забулькал и заструился по стволу немного быстрее. Ветка наверху застонала.

– Дорогу, – повторили женщины.

– Убери их! – проскулила Девочка-Сирота.

– Кабесуотер, *dissolvere*, – сказал Ронан.

Аврора шагнула вперед, как будто желая защитить сына. Теперь всё в ней было предельно ясно.

Три женщины приблизились. И Ганси вновь не понял, как это у них вышло. Они были далеко – и вот уже оказались близко. Он ощутил запах тления. Не сладковатая вонь гниющей еды или растительности, но терпкая жуть разлагающейся плоти.

Блу шарахнулась от них. Ганси подумал, что это страх, но девушка подбежала к нему. Она схватила его за руку.

– Да, – сказал Адам, быстрее Ганси поняв, в чем дело. – Скажи им.

«Скажи им». Они хотели, чтобы он велел женщинам уйти. Вот так взял и велел. В пещере Ганси приказал скелетам ожить – и они ожили. Он использовал энергию Блу и собственное желание, чтобы озвучить приказ, который не мог остаться неслышанным. Но Ганси не понимал, почему это сработало, и почему это был именно он, и каким образом Адам, Ронан и Блу сжились со своими магическими способностями, потому что ему это явственно не удавалось.

– Дорогу Королю Воронов, – повторяли женщины снова и снова.

И вдруг они оказались прямо перед Ганси. Три мнимые Блу смотрели на Блу и Ганси.

К удивлению Ганси, девушка свободной рукой выхватила нож. Он не сомневался, что она способна пустить его в ход: в конце концов, она однажды ранила Адама. Впрочем, Ганси сомневался, что нож окажет какое-то действие на три кошмара, стоявших перед ним.

Он посмотрел в их черные глаза. И произнес, стараясь говорить уверенно:

– Кабесуотер, защити нас.

Три женщины превратились в дождь.

Они забрызгали одежду Блу и плечи Ганси. Потом вода впиталась в землю. Блу тихо выдохнула и обмякла.

Слова Ганси вновь сработали, а он по-прежнему понятия не имел, почему и каким образом он должен был использовать свою способность. Глендауэр управлял погодой при помощи слов и разговаривал с птицами; оставалось надеяться, что король, когда они найдут его и разбудят, объяснит Ганси тонкости Ганси.

– Прости, – сказал Адам. – Очень глупо с моей стороны. Я был неосторожен. И дерево... кажется, оно их усилило.

– Может быть, это я, – возразила Блу.

Она смотрела на забрызганные дождем плечи Ганси, и на лице у нее отразилось такое потрясение, что он окинул взглядом свой свитер, чтобы убедиться, что брызги не прожгли в нем дырки.

– Давайте... давайте уйдем отсюда.

– Полагаю, это разумно, – сказала Аврора.

Ее голос не звучал так уж тревожно, всего лишь практично, и до Ганси дошло, что для сна, возможно, кошмар – это просто неприятный знакомый, а не что-то из ряда вон выдающееся.

– Тебе лучше в это не влезать, – посоветовал матери Ронан.

– Оно меня находит, – ответила та.

– *Operaе pretium est*, – сказала Девочка-Сирота.

– Хватить дурить, – сказал Ронан. – Это уже не сон. Говори по-английски.

Впрочем, девочка не перевела то, что сказала. Аврора погладила ее по голове, обтянутой шапочкой.

– Она будет моей маленькой помощницей. Пойдемте, я вас выведу.

Добравшись до опушки леса, Аврора вместе с ними подошла к машине. Та стояла за пределами Кабесуотера, но Аврора никогда не засыпала немедленно. В отличие от грез Кавински, которые заснули сразу же после его смерти, жена Ниалла Линча могла продержаться некоторое время и одна. После его смерти она не спала три дня. Однажды она провела целый час за пределами Кабесуотера. Но, в конце концов, сон всегда нуждался в сновидце.

И вот теперь Аврора проводила их до машины. Вне Кабесуотера она больше обычного походила на сон – видение, забредшее в реальную жизнь и облаченное в цветы и свет.

– Передай Мэтью, что я люблю его, – сказала Аврора и обняла Ронана. – Так приятно снова увидеть вас всех.

– Оставайся с ней, – велел Ронан Девочке-Сироте.

Та выругалась.

– И следи за словами в присутствии моей матери!

Девочка сказала что-то еще, стремительно и красиво, и Ронан огрызнулся:

– Я не понимаю этот язык, когда не сплю. Говори по-английски или на латыни. Ты хотела уйти; ты ушла. Теперь всё по-другому.

Его тон привлек внимание сразу двоих – Авроры и Адама.

Аврора сказала:

– Не грусти, Ронан.

Он отвел взгляд и замер. По плечам было видно, что Ронан в бешенстве.

Аврора повернулась вокруг своей оси, вытянув руки.

– Будет дождь, – произнесла она и мягко упала на колени.

Ронан, неподвижный, мрачный, очень реальный, закрыл глаза.

Ганси сказал:

– Я помогу тебе ее отнести.

9

Едва вернувшись из Кабесуотера, Блу сразу же влипла в новые неприятности.

После того как парни высадили ее возле дома номер 300 на Фокс-Вэй, Блу влетела на кухню и начала односторонний допрос Артемуса, который по-прежнему прятался за запертой дверью кладовки. После того как он ничего не ответил на ее вполне разумные вопросы о женщинах с окровавленными руками и о возможном местонахождении Глендауэра, Блу повысила голос и забарабанила в дверь. Ее душу переполняли воспоминания о школьном свитере Ганси, забрызганном дождем, – именно так выглядел его дух, когда они повстречались у церкви, – а мозг переполняла досада. Потому что Артемус знал обо всем этом гораздо больше, чем говорил.

Гвенллиан с восторгом наблюдала за процессом, угнездившись на столе.

– Блу! – раздался откуда-то из недр дома голос Мора. – Блу-у-у! Не зайдешь ли на минутку поговорить с нами?

Услышав этот сладкий тон, Блу поняла, что у нее проблемы. Она перестала колотить кулаком по двери кладовки и зашагала вверх по лестнице. Голос матери исходил из единственного санузла в доме; зайдя туда, Блу увидела, что Мора, Калла и Орла сидят в наполненной ванне, одетые и все одинаково мокрые. Джими восседала на крышке унитаза, держа в руке горящую свечу. Было видно, что они недавно плакали. Но не теперь.

– Что? – спросила Блу.

У нее немного саднило горло – очевидно, она кричала громче, чем хотела.

Мать посмотрела на нее гораздо более властно, чем можно было ожидать от женщины, сидящей в ванне.

– По-твоему, тебе понравилось бы, если бы кто-то ломился к тебе в спальню и велел выходить?

– Кладовка – это не спальня, – отрезала Блу. – Во-первых.

– Он пережил много нелегких лет, – заметила Мора.

– Гвенллиан пережила много нелегких веков – и она, по крайней мере, сидит на столе! Джими, не вставая с унитаза, отозвалась:

– Все по-разному справляются с трудностями. Не надо сравнивать, милая.

Калла фыркнула.

– Поэтому вы все залезли в ванну? – поинтересовалась Блу.

– Не хами, – сказала Мора. – Мы пытались вступить в контакт с Персефоной. И – нет, ничего не вышло. Кстати, раз уж мы заговорили о глупостях, которые ты творишь, куда ты исчезла? Временное исключение – это не каникулы.

Блу ошетичилась.

– А я и не отдыхала! Ронан приснил своего внутреннего ребенка, ну, или что-то типа того, и нам пришлось отвезти это существо в Кабесуотер. Пока мы были там, к нам явились три женщины с гобелена, о котором я вам рассказывала. Еще мы нашли дерево, с которым что-то произошло. Ганси мог запросто умереть, прямо рядом со мной!

Женщины взглянули на нее с сожалением, и это взбесило Блу еще сильнее.

Она сказала:

– Я хочу его предупредить.

Настала тишина.

Она сама не знала, что собирается сказать, пока эти слова не сорвались с ее губ. Но вот она их произнесла.

– Я помню, вы говорили: если человек об этом узнает, это лишь испортит ему жизнь, но не спасет его. Я всё понимаю. Но сейчас совсем другое дело. Мы найдем Глендауэра и попросим

сделать так, чтобы жизни Ганси ничто не угрожало. Но нам нужно, чтобы Ганси дожил до тех пор. А значит, он должен перестать бросаться навстречу опасности!

Ниточка надежды в ту минуту не выдержала бы больше жалости, но, к счастью, Блу получила другую реакцию. Женщины переглянулись и явно задумались. Трудно было понять, принимают ли они решение, основываясь на обычных фактах или на прозрениях.

Наконец Мора пожала плечами.

– Ладно.

– Ладно?

– Ну да. Конечно, – сказала Мора и посмотрела на Каллу в поисках подтверждения.

Та подняла брови.

– Расскажи ему.

– Вы серьезно?

Блу ожидала, что они будут упрямиться, но они не стали, и она почувствовала себя так, как будто из-под нее выхватили стул. Одно дело – сообщить родственникам, что она собирается предупредить Ганси о грозящей ему смерти. И совсем другое – представить, как она скажет об этом самому Ганси. После этого обратной дороги не будет. Блу плотно зажмурилась – «веди себя разумно, соберись».

Она открыла глаза.

Мать взглянула на дочь. Дочь взглянула на мать.

Мора сказала:

– Блу.

И Блу позволила себе сломиться.

Джими задула свечу и поставила на пол рядом с унитазом. Затем она обвила руками бедра Блу, притянула ее к себе и посадила на колени, как делала в те времена, когда Блу была маленькой... впрочем, Блу и сейчас была маленькой. Когда Блу была ребенком. Унитаз заскрипел под ними.

– Ты сейчас сломаешь толчок, – предупредила Блу, однако не стала сопротивляться, когда Джими обняла ее и прижала к своей внушительной груди.

Джими погладила девушку по спине, сочувственно цокая языком. Блу прерывисто вздохнула. Она не понимала, каким образом эта детская ласка может быть одновременно столь успокаивающей и удушающей. Она радовалась ей и в то же время мечтала находиться где-нибудь в другом месте, с меньшим количеством нитей, привязывающих ее к каждой нелегкой задаче и к каждой печали в жизни.

– Знаешь, Блу, нет ничего плохого в том, что ты хочешь уехать из Генриетты, – сказала Мора из ванны.

Она так точно угадала ее мысли, что Блу не могла понять, почему мать заговорила об этом. То ли потому, что была хорошей ясновидящей, или просто потому, что хорошо знала дочь.

Блу пожала плечами.

– Подумаешь!

– Уехать не всегда значит сбежать, – сказала Джими, чей голос низким рокотом отдавался в ухе Блу, прижатом к ее груди.

Калла добавила:

– Мы не будем думать, что ты ненавидишь Фокс-Вэй.

– С какой стати мне ненавидеть Фокс-Вэй.

Мора шлепнула Орлу по руке: та пыталась заплести сырые волосы Мора.

– Знаю. Потому что мы круты. Но разница между хорошим домом и хорошей тюрьмой на самом деле невелика. Мы выбрали Фокс-Вэй. Мы создали это место – Калла, Персефона и я. Но для тебя это лишь точка старта, а не пункт назначения.

Мудрость Моря отчего-то рассердила Блу.

– Скажи что-нибудь, – попросила Орла.

Блу даже не знала, как сформулировать; она не вполне понимала, что вообще имеет в виду.

– Это... такая трата сил. Полюбить сразу всё...

«Всё» действительно значило всё. Дом номер 300 на Фокс-Вэй, своих «Воронят», Джесса Диттли. Будучи благоразумным человеком, Блу подумала, что у нее какая-то проблема с любовью. Нехорошим голосом она добавила:

– Только не говорите «это полезный жизненный опыт». Не надо.

– Я много кого любила, – заметила Орла. – Я могла бы сказать, что это полезный жизненный опыт. И потом, я давным-давно предупреждала, что парни уедут и оставят тебя.

– Орла, – резко сказала Калла, поскольку у Блу вырвался неровный вдох. – Иногда я просто с ума схожу, когда представляю, что ты говоришь по телефону своим бедным клиентам.

– Проехали.

Мора бросила на Орлу мрачный взгляд через плечо и произнесла:

– Я не собиралась говорить про полезный жизненный опыт. Я хотела сказать, что иногда отъезд приносит пользу. Необязательно расставаться навеки. Можно уехать и вернуться.

Джими покачала Блу на коленях. Крышка унитаза скрипнула.

– Сомневаюсь, что смогу поступить в тот колледж, в который хочу, – сказала Блу. – Школьный консультант так не думает.

– А чего ты хочешь? – спросила Мора. – Не от колледжа. От жизни.

Блу сначала проглотила то, что собиралась сказать, поскольку была готова перейти от кризиса и слез к решениям и стабильности. Потом она произнесла – медленно и вдумчиво, чтобы сделать правду посильной:

– То, чего хотела всегда. Посмотреть мир. Сделать его лучше.

Мора, казалось, тоже осторожно подбирала слова.

– Ты уверена, что колледж – единственный способ это сделать?

Такого рода невозможный ответ дал бы Блу школьный консультант, изучив ее финансовое состояние и отметки. Да, она была уверена. Разве она могла изменить мир к лучшему, не выяснив сначала, как это сделать? Разве могла найти работу, которая позволила бы ей накопить денег на билет до Гаити, Индии или Словакии, не поступив в колледж?

Потом она вспомнила, что с ней разговаривает не школьный консультант, а собственная мать-ясновидящая.

– Что я делаю? – спросила Блу. – Что вы видите обо мне?

– Ты путешествуешь, – сказала Мора. – Меняешь мир.

– В твоих глазах деревья, – добавила Калла мягче обычного. – А в сердце звезды.

– Но как? – спросила Блу.

Мора вздохнула.

– Ганси ведь предлагал тебе помощь, не так ли?

Чтобы угадать это, не требовались пророческие способности – достаточно было минимальных знаний о характере Ганси. Блу сердито попыталась встать, но Джими ее не пустила.

– Я не собираюсь кататься за счет Ганси.

– Не надо так, – попросила Калла.

– Как?

– Не злись, – сказала Мора и добавила: – Я просто хочу, чтобы будущее представлялось тебе миром, где возможно всё.

Блу выпалила:

– Например, Ганси не умрет к апрелю? Я не убью своего любимого поцелуем? Это тоже возможно?

Мать долго молчала. Блу вдруг поняла, что наивно надеялась услышать от нее: «Нет, оба эти предсказания могут оказаться ошибкой, с Ганси всё будет в порядке». Но наконец Мора сказала:

– Жизнь не закончится после того, как он умрет. Тебе придется подумать, что ты будешь делать потом.

Блу уже не раз думала, что будет делать потом – именно поэтому у нее и случился кризис.

– Я, во всяком случае, не собираюсь его целовать, значит, он умрет не от этого.

– Я не верю в настоящую любовь, – сказала Орла. – Это концепция моногамного общества. А мы животные. Мы занимаемся любовью в кустах.

– Спасибо за ценное мнение, – произнесла Калла. – Давай позвоним судьбе Блу и расскажем ей об этом.

– Ты любишь его? – с любопытством спросила Мора.

– Лучше бы нет, – сказала Блу.

– У Ганси масса отрицательных качеств. Могу уточнить, если хочешь, – предложила мать.

– Я и так про них в курсе. Целиком и полностью. И вообще, это глупо. Настоящая любовь существует. Артемус был твоей настоящей любовью? А как насчет мистера Грея? Что, предыдущая любовь от этого как бы становится ненастоящей? Только один шанс – и всё?

Последний вопрос прозвучал с максимальной непочтительностью, но только потому, что он был самым болезненным. Блу была совершенно не готова принять смерть Ганси – и уж точно она не могла смириться с тем, что он будет мертвым, а она счастливо бросится в объятия другого мужчины, с которым пока еще даже не познакомилась. Она просто хотела и дальше оставаться с Ганси лучшими друзьями, а в один прекрасный день, возможно, познать его плотски. Это казалось вполне логичным желанием, и Блу как человек, который всю жизнь старался быть благоразумным, страшно расстроилась из-за того, что даже в этой небольшой просьбе ей было отказано.

– Я плохая мать. Я плохая ясновидящая, – сказала Мора. – Я не знаю ответа на эти вопросы. Мне очень жаль.

– Бедная девочка, – пробормотала Джими на ухо Блу. – М-м... как я рада, что ты не стала выше.

– Потому что много плакала, – сказала та.

Калла приподнялась, схватившись за палку для занавески, чтобы удержаться. Вода забулдила под ней. Она выругалась. Орла заслонила голову от потоков, лившихся с рубашки Каллы.

Калла сказала:

– Хватит плакать вместе. Пошли приготовим пирог.

10

Впятистах милях от Генриетты Ломоньер курил сигарету, сидя в салоне старого парома. Салон был некрасивым, сугубо утилитарным: грязные стеклянные окна в некрашенных железных рамах, всё холодное, как черная гавань, и пропахшее рыбой. От предыдущего дня рождения там остались праздничные украшения, но от времени и тусклого освещения они казались бесцветными и зловеще шуршали на сквозняке.

Глаза Ломоньера были устремлены на далекие огни Бостона. Но мысли Ломоньера устремлялись к Генриетте, штат Вирджиния.

– Первый шаг? – спросил Ломоньер.

– Не знаю, можно ли считать это конкретным действием, – заметил Ломоньер.

– Я бы хотел получить ответы, – сказал Ломоньер.

Тройняшки Ломоньер выглядели почти одинаково. Были легкие различия – у одного, например, были волосы чуть короче, другой обладал примечательной массивной челюстью. Но индивидуальность, которая проглядывала во внешности, они стерли многолетней практикой использования одной лишь фамилии. Посторонний знал, что разговаривает не с тем Ломоньером, которого видел во время предыдущего визита, но братья обращались друг к другу одинаково, поэтому и чужаку приходилось считать их одним лицом. По сути, не было никаких трех братьев Ломоньер. Был просто Ломоньер.

И сейчас Ломоньер сомневался.

– И как же ты намерен получить эти ответы?

– Один из нас туда съездит, – сказал Ломоньер, – и задаст вопросы.

«Туда» – то есть в Бэк-Бэй, к их старому сопернику Гринмантлу. А «задаст вопросы» означало «сделает что-нибудь неприятное в отместку за пять лет вреда». Ломоньер охотился за магическими артефактами с тех самых пор, как поселился в Бостоне, и мало кто составлял ему конкуренцию, пока не появился этот пижонистый выскочка Гринмантл. Продавцы сделались жадными, артефакты – дорогими. Пришлось прибегать к помощи наемной силы. Ломоньер полагал, что Колин Гринмантл и его жена Пайпер насмотрелись фильмов про гангстеров.

Но теперь Колин выказал некоторую слабость, отступив из Генриетты, которую долго удерживал за собой. Он приехал один. Пайпер не было.

Ломоньер хотел понять, что это значит.

– Я не возражаю, – сказал Ломоньер, выдув облако сигаретного дыма.

Его настойчивое желание курить не позволяло двум остальным бросить – предлог, которым они все охотно пользовались.

– А я возражаю, – сказал Ломоньер. – Не хочу лишней грязи. И этот его наемник – жуткий мужик.

Ломоньер стряхнул пепел с сигареты и обвел взглядом поздравительные транспаранты, как будто мечтал их поджечь.

– Говорят, Серый Человек больше на него не работает. Да и мы знаем, что такое осторожность.

У Ломоньера были общие имя и цель, но методы отличались. Один предпочитал осторожность, другой огонь, а третий играл роль миротворца и адвоката дьявола.

– Разумеется, есть какой-нибудь другой способ выяснить про... – начал Ломоньер.

– Не произноси этого слова, – одновременно перебили двое остальных.

Ломоньер поджал губы. Это выглядело эффектно, поскольку у всех братьев были подвижные рты – черта, которая одного, искажая, делала почти красивым, а другому тем же образом придавала малопривлекательный вид.

– Значит, мы едем туда, чтобы поговорить... – вновь начал Ломоньер.

– Поговорить, – фыркнул Ломоньер, играя зажигалкой.

– Прекрати, пожалуйста. Ты ведешь себя как школьный забияка.

Данный Ломоньер сохранил свой акцент и использовал его в ситуациях такого рода. Акцент прибавлял веса презрению.

– Мой адвокат говорит, мне нельзя совершать никаких правонарушений как минимум полгода, – жалобно сказал Ломоньер и затушил сигарету.

Ломоньер тихонько загудел.

Это гудение встревожило бы братьев в любом случае, от кого бы оно ни исходило, но в нем к тому же слышались какие-то дополнительные зловещие нотки, которые немедленно наполнили атмосферу холодом.

Двое других подозрительно переглянулись: они подозревали не друг друга, но всё вообще за пределами друг друга. Они изучили гудящего брата на предмет признаков какого-нибудь заболевания, а затем проверили, нет ли у него с собой древнего амулета, украденного из одной могилы во Франции, загадочного браслета, незаконным образом приобретенного в Чили, зловещей пряжки от пояса, которую они стянули в Монголии, или таинственного шарфа, сделанного из перуанского погребального покрывала. Чего угодно, что могло вызвать сверхъестественный побочный эффект.

Они ничего не нашли, но гудение не прекращалось, поэтому они методично обыскали комнату, проводя руками под стульями и вдоль карнизов и время от времени поглядывая друг на друга, чтобы убедиться, что гудит по-прежнему только один. Если кто-то сыграл с ними злую шутку, самым вероятным кандидатом был Гринмантл. Конечно, у Ломоньера имелись и другие враги, но Гринмантл стоял ближе остальных. Во всех смыслах.

Ломоньер не нашел ничего, представляющего сверхъестественный интерес. Только кучку сухих божьих коровок.

– Эй. Это я.

Ломоньер повернулся к гудящему брату, который одновременно перестал гудеть и уронил сигарету. Она беспомощно адела на железном полу. Брат хмурился, глядя на гавань, и вид у него был задумчивый, что в целом противоречило его натуре.

– Это сказал он? – уточнил Ломоньер.

Ломоньер нахмурился.

– Кажется, это был не его голос.

Третий брат произнес:

– Вы слышите меня? Я пока не вполне разобралась, как оно работает...

Это совершенно точно был не его голос. И не его выражение лица. Брови Ломоньера, разумеется, двигались вполне естественным образом, но таким, какого от них никогда не требовалось раньше. Поэтому он выглядел моложе и настойчивее.

Ломоньер дружно ощутил близость откровения.

– Кто здесь? – спросил он.

– Пайпер.

Это имя немедленно оказало подсознательный эффект на Ломоньера. Ярость, ощущение, что его предали, шок, а потом опять ярость и ощущение, что его предали. Пайпер Гринмантл. Жена Колина. Никто не упоминал ее имя в разговоре, но она всё равно вошла.

Ломоньер сказал:

– Пайпер! С какой стати? Покинь его.

– О, значит, вот как это работает? – с любопытством спросила Пайпер. – А как выглядит? Жутко? Как будто говоришь по телефону, только через чужое тело?

– Это ты, – с удивлением произнес Ломоньер.

– Привет, папа, – сказала Пайпер.

Хотя прошло уже много лет, Ломоньер до сих пор прекрасно помнил манеры своей дочери.

Ломоньер сказал:

– С ума сойти. Чего тебе надо? И как поживает твой поганец муж?

– Он в Бостоне без меня, – ответила Пайпер. – Наверно.

– Я просто хотел услышать ответ, – произнес Ломоньер. – Я это и так знал.

Пайпер сказала:

– Ты был прав, а я ошибалась. Я больше не хочу ссориться.

Ломоньер, который затушил сигарету, теперь сентиментально вытирал один глаз.

Ломоньер, который не переставал курить, огрызнулся:

– Десять лет прошло – и ты внезапно «больше не хочешь ссориться»?

– Жизнь коротка. Я бы теперь хотела заняться делом вместе с вами.

– Погоди. Правильно ли я понимаю? В прошлом году из-за тебя мы чуть не угодили в тюрьму. Твой муж убил поставщика ради какого-то несуществующего артефакта. Ты вселилась в нас. И ты желаешь войти с нами в дело? Что-то не похоже на хорошенькую женушку Колина Гринмантла.

– Разумеется, не похоже. Именно поэтому я и звоню. Я хочу начать с чистого листа.

– И к какому дереву принадлежит этот лист? – подозрительно спросил Ломоньер.

– К очень славному, со сверхъестественными корнями, – ответила Пайпер. – Я нашла кое-что потрясающее. Невероятное. Такое бывает раз в жизни. Раз в сто лет. Я хочу, чтоб вы очень постарались и собрали всех сюда, на аукцион. Это будет нечто.

Ломоньер как будто исполнился надежды.

– Мы...

Единственный Ломоньер, продолжавший курить, перебил:

– После того, что было в августе? Неужели ты ожидаешь, что мы очертя голову в это кинемся? Назови меня ненормальным, дорогая, но я тебе не доверяю.

– Придется просто верить мне на слово.

– Из всего, что ты можешь мне предложить, эта вещь меньше всего достойна доверия, – холодно отозвался Ломоньер.

Он протянул сигарету другому брату, сунул руку под пальто и свитер и нащупал четки.

– За последние десять лет твое слово слегка упало в цене.

– Ты худший отец на свете, – огрызнулась Пайпер.

– Честно говоря, ты – худшая дочь.

Он прижал четки к голове недавно гудевшего брата. Тот немедленно сплюнул кровью и упал на колени. Его лицо вновь приобрело привычное выражение.

– Именно это, – сказал Ломоньер, – я и подозревал.

– С ума сойти, ты положил трубку, прежде чем я успел с ней попрощаться, – с обидой сказал Ломоньер.

– Такое ощущение, что в меня кто-то вселился, – сказал Ломоньер. – Вы что-нибудь видели?

11

ВГенриетте продолжалась ночь.

Ричард Ганси не мог заснуть. Как только он закрывал глаза, появлялись: руки Блу, его голос, кровоточащее черным дерево. Что-то начиналось, начиналось. Нет. Заканчивалось. Он сам заканчивался. Это было зрелище его персонального апокалипсиса. Радость, которую Ганси ощущал, когда бодрствовал, превращалась в ужас, когда он уставал.

Ганси открыл глаза.

Он приоткрыл дверь Ронана – чуть-чуть, чтобы убедиться, что Ронан там и спит, приоткрыв рот, в наушниках с ревушей музыкой. Бензопила неподвижным комком сидела в клетке. Ганси оставил их и поехал к школе.

Он воспользовался старым ключом, чтобы попасть в спортивный комплекс. Там он разделся и спустился в темный бассейн в еще более темном зале. Ночью все звуки казались странными и глухими. Ганси нарезал бесконечные круги, как делал, когда только поступил в Агленби, в те времена, когда он был членом гребной команды и порой приходил сюда с утра пораньше, до начала тренировки. Ганси уже почти забыл, как это – находиться в воде. Как будто тела не существовало; оставалось лишь безграничное сознание. Он оттолкнулся от едва видимого бортика и направился к противоположному, еще менее видимому, больше не в состоянии удерживать в голове свои конкретные тревоги. Школа, директор Чайлд, даже Глендауэр. Он ведь отдался одной нынешней минуте. Ганси уже не помнил, почему отказался от этого...

В темной воде, здесь и сейчас, он был только Ганси. Он никогда не умирал, он не умрет опять. Только Ганси, сейчас, сейчас, только сейчас.

Незамеченный им, Ной стоял на бортике бассейна и наблюдал. Когда-то он тоже был хорошим пловцом.

Адам Пэрриш работал. В тот день у него была поздняя смена на складе – он разгружал стеклянные банки, дешевую электронику и детские головоломки. Иногда, когда Адам работал допоздна и уставал, он мысленно возвращался к прежней жизни в трейлере. Без страха, без ностальгии. Просто он многое забывал. Почему-то ему не сразу удавалось вспомнить, что ситуация изменилась; Адам вздыхал, представляя, как поедет домой, в трейлерный парк, когда закончится смена. Потом он удивленно вздрагивал: сознание напоминало, что вообще-то его нынешнее место жительства – квартирка над церковью святой Агнессы.

Сегодня он вновь ошибся в воспоминаниях, потом к нему рывком вернулась память о нынешнем, улучшенном положении вещей, и, вздыхая от облегчения, Адам припомнил испуганное личико Девочки-Сироты. Честно говоря, сны Ронана часто были пугающими, и, в отличие от него, она не могла пробудиться. Когда Ронан принес Девочку-Сироту в реальный мир, она, вероятно, подумала, что тоже создала себе новую жизнь. А они вместо этого просто поместили ее в очередной кошмар.

Адам сказал себе, что она не настоящая.

Но ему не давало покоя чувство вины.

Он подумал, что сегодня поедет домой – в тот дом, который сам для себя создал. А Девочка-Сирота останется, как в ловушке, среди снов, со старыми часами Адама и его старым страхом.

Когда он взял инвентарный список, мысли о Кабесуотере нахлынули на него, напоминая, что надо обдумать происхождение того почерневшего дерева. Когда Адам поставил подпись, в голове настойчиво замаячила школа, напоминая, что нужно написать и сдать трехстраничную

контрольную работу об экономике тридцатых годов. Когда Адам сел в машину, мотор тонко завыл, напоминая, что нужно им заняться, пока он вконец не отказал.

Ему некогда было возиться с беспризорницей Ронана; у Адама хватало своих проблем. Но он постоянно думал о ней.

Его мысли сосредоточились на пальцах, которые подрагивали, лежа на руле. До Адама не сразу дошло, что такое он видит, пусть даже всё происходило у него на глазах. Рука Адама пробежала по рулю, ощупала его, пробуя поверхность всеми подушечками...

Адам не приказывал своей руке двигаться.

Он сжал ее в кулак и убрал с руля. Потом стиснул запястье другой рукой.

«Кабесуотер?»

Но Кабесуотер, казалось, присутствовал в нем не больше, чем обычно (в те минуты, когда не пытался привлечь его внимание). Адам изучил ладонь в дрянном свете уличного фонаря, весьма встревоженный тем, что пальцы двигались как ножки насекомого, а мозг в этом не участвовал. Теперь, когда он в упор смотрел на свою руку, самую обычную, с темными от картонной пыли и металлических опилок линиями, Адаму казалось, что ему просто померещилось. Может быть, это видение прислал Кабесуотер.

Адам неохотно припомнил формулировку сделки, которую заключил с волшебным лесом. «Я буду твоими руками. Я буду твоими глазами».

Он вновь положил руку в центр руля. Она лежала там, и незагоревшая полоска кожи в том месте, где раньше были часы, смотрелась странно. Рука не двигалась.

«Кабесуотер?» – вновь подумал Адам.

Сонные листья закружились в его голове. Ночной лес, холодный, медлительный. Рука лежала на месте. Но сердце, впрочем, по-прежнему двигалось как воображаемые пальцы, шевелившиеся по собственной воле.

Адам не знал, померещилось ему или нет. В последнее время «реальность» стала куда более гибкой.

Ронан Линч спал на Монмутской фабрике.

Ему снилось воспоминание. Роскошная летняя зелень Амбаров, полных влаги и жужжания насекомых. Вода била фонтаном из брызгалки, стоящей в траве. Мэтью бегал под струей в купальных шортах. Маленький. Пухлый. Его кудряшки выгорели добела от солнца. Он громко и заразительно смеялся. К нему бросился другой мальчик и без колебаний перехватил поперек тела, как в регби. Оба покатались по земле, облепленные мокрыми травинками.

Второй мальчик встал. Высокий, жилистый, спокойный. Волосы – темные, вьющиеся – были у него длиной почти до подбородка.

Это был Ронан. В детстве.

Там был и третий мальчик. Он аккуратно перескочил через брызгалку. «Джек, прыгни через реку».

«Ха, ты думал, что я не прыгну», – сказал Ганси, упираясь руками в голые коленки.

«Ганси!» – со смехом произнесла Аврора. Смеялась она так же безудержно, как Мэтью. Она направила брызгалку прямо на Ганси и сразу же промочила с головы до ног.

Взрослый Ронан наблюдал за маленьким.

Он уловил тот момент, когда до него дошло, что он спит – он услышал электронное «тыц-тыц» в ушах и понял, что может проснуться. Но это воспоминание, это прекрасное воспоминание... он стал тем маленьким Ронаном, ну, или тот маленький Ронан стал им, взрослым.

Солнце делалось всё ярче. Ярче.

Ярче.

Оно напоминало добела раскаленный электрический глаз. Мир иссох, превратившись в свет и в тень – и ничего в промежутке. Ганси заслонила глаза рукой. Кто-то вышел из дома.

Диклан. Он что-то держал в руке. Что-то, казавшееся черным в этом ослепительном свете.

Маску.

С круглыми глазами и разинутым в улыбке ртом.

Ронан сохранил о ней единственное воспоминание: ужас. С этой маской было связано нечто кошмарное, но прямо сейчас он не помнил, что именно. Этот ядерный взрыв памяти выжег в нем все мысли.

Старший из братьев Линч широкими шагами шел к ним – очень целеустремленно. Его ботинки скрипели по мокрой траве.

Сон содрогнулся.

Диклан перешел на бег, направляясь к Мэтью.

– Девочка-Сирота! – крикнул Ронан, поднимаясь на ноги. – Кабесуотер! Tir e e'lintes curralo!

Сон опять содрогнулся. Поверх картинки возникло видение леса, как лишний кадр, всунутый в киноленту.

Ронан понесся по болезненно белой траве.

Но Диклан добрался до Мэтью первым. Младший брат доверчиво наклонил голову набок, и это был кошмар.

«Когда ты наконец вырастешь, придурок», – сказал Диклан Ронану.

И нацепил на Мэтью маску.

Это был кошмар.

Ронан вырвал Мэтью у Диклана; сон нахлынул вновь. Ронан держал в руках знакомое тело младшего брата, но было уже слишком поздно. Первобытная маска немедленно приросла к лицу Мэтью.

Над их головами пролетел ворон и скрылся где-то в небе.

«Всё будет хорошо, – сказал Ронан брату. – Ты сможешь так жить. Просто никогда не снимай ее».

Глаза Мэтью без страха смотрели на него через широкие прорези. Это был кошмар. Это был кошмар. Это был...

Диклан сорвал маску.

Дерево у него за спиной засочилось черным.

Лицо Мэтью представляло собой линии и штрихи. Ни крови, ни прочих ужасов – просто оно не было лицом, и это пугало. Мэтью был не человеком, а нарисованной картинкой.

Грудь Ронана тряслась от беззвучных, задыхающихся рыданий. Он уже давно так не плакал...

Сон содрогнулся. Не только Мэтью распадался на части. Рассыпалось всё. Руки Авроры указывали одна на другую, пальцы были выгнуты назад, к груди – они тоже представляли собой незавершенные линии. Ганси стоял на коленях позади нее, и глаза у него были мертвые.

У Ронана пересохло в горле. «Я сделаю что угодно! Что угодно! Что угод...»

Исчезало всё, что Ронан любил.

«Пожалуйста...»

В другом месте – в дортуаре Агленби – проснулся Мэтью Линч. Потянувшись, он стукнулся головой о стенку, потому что во сне подкатился к ней вплотную. Но только когда его сосед по комнате, Стивен Ли, издал смешной сердитый звук, Мэтью понял, что проснулся от звонка телефона.

Он прижал мобильник к уху.

– Да?

Ответа не было. Мэтью посмотрел на экран, чтобы узнать, кто звонит, потом опять поднес телефон к уху. И сонно прошептал:

– Ронан?

– Ты где? У себя?

– Быр.

– Я серьезно.

– Фыр.

– Мэтью.

– Да, да, я у себя. Стивен Ли тебя ненавидит. Третий час. Чего тебе?

Ронан ответил не сразу. Мэтью не видел его, но средний Линч лежал, свернувшись, у себя на кровати, на Монмутской фабрике, уткнувшись лбом в колени, одной рукой стискивая собственный затылок, а другой прижимая телефон к уху.

– Просто хотел убедиться, что у тебя всё в порядке.

– Всё хорошо.

– Тогда спи.

– Уже сплю.

Конец разговора.

А за пределами Генриетты, на силовой линии, что-то темное наблюдало за ними – за всем, что лежало в ночи – и говорило: «Я не сплю, я не сплю, я не сплю».

12

Следующее утро было слишком ясным и слишком жарким.

Ганси и Адам, аккуратно сложив руки на груди, стояли возле двойных дверей Мемориального театра Глэдис Франсин Моллин Райт. Они исполняли обязанности билетеров – точнее, исполнял только Адам, но Ганси вызвался сменить Бранда в качестве второго билетера. Ронана нигде не было видно. В душе Ганси кипело раздражение.

– День Ворона, – сказал директор Чайлд, – это не просто возможность показать, как мы гордимся нашей школой. Разве мы не испытываем гордости за нее каждый день?

Директор стоял на сцене. Все немного вспотели, но только не он. Это был поджарый суровый ковбой на перегоне, называемом жизнью. Его кожа напоминала побелевшую от солнца стену каньона. Ганси уже давно пришел к выводу, что способности Чайлда в школе тратятся впустую. Напаялить на этого прирожденного победителя светло-серый костюм с галстуком значило лишить его возможности надеть широкополую шляпу и вспрыгнуть на спину буланого коня.

Адам бросил на Ганси понимающий взгляд. Одними губами он произнес: «Йо-хо». Они ухмыльнулись и поспешно посмотрели в разные стороны. Взгляд Ганси упал на Генри Ченя и ванкуверскую тусовку – они сидели все вместе в задних рядах. Словно ощутив чужое внимание, Генри посмотрел через плечо. Одна бровь у него взмыла вверх. Это неприятно напомнило Ганси о том, как Генри увидел Девочку-Сироту в багажнике «Шевроле». В любой момент могли потребоваться объяснения, увертки или ложь.

– ...в нынешний День Ворона, – с ударением произнес Чайлд.

Обычно Ганси очень любил День Ворона. Этот праздник целиком и полностью состоял из вещей, которые ему нравились. Школьники в красивых белых рубашках и брюках защитного цвета, в которых они походили на статистов из фильма про Вторую мировую; спортивные команды, которые под общие одобрительные крики бросались в атаку; поднятие флагов; помпа, торжественность, шутки, понятные лишь посвященным; нарисованные повсюду вороны... Нынешние одиннадцатиклассники наделали воронов для остальных учеников, чтобы устроить шутиливую битву на школьной лужайке, а школьные фотографы запечатлевали сияющие лица для очередной порции рекламных материалов.

Но душа Ганси настойчиво требовала посвятить всё свободное время поискам. Тайна Глендауэра напоминала проголодавшуюся волчицу.

– Сегодня десятая годовщина Дня Ворона, – продолжал Чайлд. – Десять лет назад праздник, которому мы радуемся сегодня, был придуман юношей, который учился в Агленби. К сожалению, Ной Черни не может сегодня отпраздновать вместе с нами, но, прежде чем примутся праздновать все остальные, одна из младших сестер Ноя скажет нам несколько слов о своем брате и о происхождении этого праздника.

Ганси решил бы, что ему послышалось, если бы Адам не уставился на него и не прошептал:

– Ной?..

Да, Ной, потому что на сцену поднималась одна из сестер Черни. Даже если бы Ганси не видел ее на похоронах, он сразу узнал бы и узкий рот Ноя, и его крошечные глазки со смешливыми мешочками, и огромные уши, которые прятались под светлыми волосами. Странно было видеть знакомые черты Ноя в этой молодой женщине. Еще более странно было видеть их у живого человека. Она казалась слишком взрослой для того, чтобы быть младшей сестрой Ноя, но Ганси просто забыл, что Ной теперь существовал в подвешенном состоянии. Если бы выжил он, а не Ганси, Ной исполнилось бы двадцать четыре.

Какой-то первогодок сказал что-то, чего Ганси не расслышал, и его поспешно вывели из театра. Сестра Ноя наклонилась к микрофону и тоже сказала что-то, чего Ганси не расслышал, а потом что-то еще, утонувшее в визге динамиков (звукорежиссер пытался наладить громкость). Наконец она произнесла:

– Здравствуйте, я Адель Черни. У меня короткое выступление. Я сама сидела на всяких официальных мероприятиях, когда была в вашем возрасте, и знаю, что это скучно. Я всего лишь скажу пару слов про Ноя и День Ворона. Кто-нибудь из присутствующих знал его?

Ганси и Адам начали одновременно поднимать руки и так же быстро опустили их. Да, они знали его. Нет, они его не знали. Живой Ной учился здесь до того, как они оба поступили в Агленби. Мертвый Ной был феноменом, а не знакомым.

– Значит, вы кое-чего лишились, – продолжала Адель. – Моя мама всегда говорила, что Ной был просто бомбой. Иными словами, он постоянно получал штрафы за превышение скорости, запрыгивал на стол на семейных праздниках и всё такое. И вечно что-нибудь выдумывал. Ной был невероятно энергичным.

Адам и Ганси переглянулись. Они всегда подозревали, что Ной, с которым они общались, не был настоящим Ноем. И теперь оба с грустью осознали, сколько... «ноизма» тот утратил, умерев. Невозможно было не гадать, каким стал бы Ной, если бы остался жив.

– Я приехала к вам сюда, потому что вообще-то была первой, кому он рассказал про День Ворона. Однажды вечером он позвал меня – кажется, ему было четырнадцать – и сказал, что видел сон про воронов, которые сражались друг с другом. Ной сказал – они все были разного цвета, размера, формы, а он стоял в самой середине, так что все они кружились вокруг него. – Адель Черни помахала вокруг себя руками; у нее были руки Ноя, локти Ноя. – И он сказал: «Это может быть классный художественный проект для школы». И я ответила: «Если каждый человек в школе сделает по одному ворону, наверное, их тебе будет достаточно».

Ганси почувствовал, как у него встают дыбом волосы на руках.

– И вот они летают и кружатся, и нет ничего, кроме воронов, ничего, кроме снов вокруг, – сказала Адель, хотя Ганси сомневался, что это были ее слова; может быть, ему послышалось, и на самом деле он смутно припоминал что-то из того, что было сказано раньше. – В любом случае я знаю, что Ноем понравилась бы эта традиция в том виде, какой она обрела в наши дни. Так что... спасибо, что помните его безумную мечту.

Она сошла со сцены. Адам прикрыл глаза рукой. Послышались сдержанные двойные хлопки (учеников Агленби просили обходиться без бурных аплодисментов).

– Летите, вороны! – сказал Чайлд.

Это был сигнал для Ганси и Адама открыть двери. Ученики бросились наружу. В зал хлынули свет и влажный воздух.

Директор Чайлд подошел к дверям. Он пожал руку сначала Ганси, потом Адаму.

– Спасибо за помощь, джентльмены. Мистер Ганси, я сомневался, что ваша мать сможет организовать мероприятие по сбору средств и составить список гостей к выходным, но уже практически всё готово. Обещаю ей свой голос в предвыборной гонке.

Они с Ганси обменялись товарищескими улыбками, которые проистекают из совместного подписания юридических бумаг. Эпизод был бы приятным, если бы он здесь и закончился, но Чайлд задержался – он стоял и беседовал с Ганси и Адамом, двумя светилами Агленби, лучшим и умнейшим соответственно. За семь невыносимых минут они поговорили о погоде, о планах на День благодарения, поделились впечатлениями от исторического музея в Вильямсбурге, а потом наконец, измученные, разошлись, когда появились младшеклассники со своими воинами-воронами.

– Господи, помилуй, – сказал Ганси, переводя дух.

– Я думал, он никогда не уйдет, – добавил Адам.

Он потрогал левое веко и прищурил глаз, а потом бросил взгляд за плечо Ганси.

– Если... ох. Сейчас вернусь. Кажется, мне что-то попало в глаз.

Он ушел, а Ганси погрузился в День Ворона. Он стоял у подножия лестницы, где ученикам раздавали воронов. Птицы были сделаны из бумаги, алюминиевой фольги, дерева, папье-маше и латуни. Одни летали, снабженные животами из гелиевых воздушных шаров. Другие скользили в воздухе. Третьи покачивались на многочисленных подпорках (отдельные палочки управляли крыльями).

Это сделал Ной. Это придумал Ной.

– Птичка капнула, – сказал младшеклассник, вручая Ганси дурацкого черного ворона, сделанного из газеты на деревянном каркасе.

Ганси шагнул в толпу. Толпу Ноя. В идеальном мире Ной произносил бы речь на десятилетней годовщине праздника...

На уровне глаз мелькали сплошь палки, руки, белые рубашки, веревочки и прочие механизмы. Но если прищуриться и посмотреть в необыкновенно яркое небо, палки и люди исчезали – всё пространство наполняли только вороны. Они ныряли и нападали, опускались и поднимались, хлопали крыльями и кружили.

Было очень жарко.

Ганси почувствовал, как время поехало. Слегка. Просто это зрелище странным образом напоминало нечто из совсем другой жизни – его настоящей жизни; эти птицы были двоюродными братьями грез Ронана. Казалось несправедливым, что Ной умер, а Ганси нет. Ной жил, когда его убили. А Ганси тянул время.

– Какие правила у сражения? – спросил он через плечо.

– На войне нет правил, кроме одного – остаться в живых.

Ганси повернулся; рядом захлопали крылья. Его сплошь окружали плечи и спины. Он не знал, кто ему ответил, и даже, не встретив обращенного к себе лица, усомнился, что ответ вообще был.

Время зывало к его душе.

Заиграл школьный оркестр. Первые ноты представляли собой гармоническую толщу звуков, но кто-то из духовых ошибся в самом начале следующего такта. В то же мгновение возле лица Ганси прожужжало какое-то насекомое, так близко, что он его почувствовал. И вдруг всё поехало вкривь и вкось. Солнце сделалось белым. Вороны захлопали крыльями вокруг Ганси, когда тот обернулся, ища Адама, Чайлда или хоть кого-то, кто состоял бы не только из белой рубашки, руки и птицы. Взгляд Ганси упал на часы. Они показывали 6:21.

Когда он умер, было жарко.

Он находился в лесу палок, в лесу птиц. Негромко бормотали трубы, вскрикивали флейты. Со всех сторон гудели, жужжали и вздрагивали крылья. Ганси чувствовал у себя в ушах ос.

«Их тут нет».

Но то большое насекомое вновь пронеслось вокруг него.

Прошли годы с тех пор, как Мэлори был вынужден остановиться на полпути и подождать Ганси, который зажал уши руками и рухнул на колени. Дрожа, умирая.

Он изо всех старался избавиться от этого воспоминания.

«Их здесь нет. Ты на Дне Ворона. Сейчас ты будешь есть сэндвичи. А потом с пинка заведешь «Камаро» и поедешь на Фокс-Вэй. Ты расскажешь Блу, как у тебя прошел день. Расскажешь».

Насекомые забирались ему в ноздри, легонько шевелили волосы, дружно кишели на лице. Вдоль хребта у Ганси катился пот. Школьники, которые проходили мимо и толпились вокруг, превратились в призраков. Колени у него подгибались. Он понял, что вот-вот упадет.

Ганси не мог заново пережить здесь собственную смерть. Только не сейчас, не в ту минуту, которая запечатлется в сознании всех присутствующих. «Ганси Третий сошел с ума

в День Ворона, слышали? Миссис Ганси, не расскажете ли нам, что произошло с вашим сыном?» Он не мог привлечь к себе всё внимание...

Но время истекало, и он терял равновесие. Его сердце наполнилось черной, черной кровью.

«Ганси, чувак».

Ганси с трудом сосредоточился на этих словах. Рядом с ним стоял Генри Чень – сплошь волосы и зубы. И очень внимательные глаза. Он забрал у Ганси ворона и взамен вложил ему в ладонь что-то прохладное. Прохладное и делавшееся всё холоднее.

– Однажды ты принес мне кофе, – сказал Генри. – Когда я совсем выбился из сил. Услуга за услугу.

Ганси держал в руке пластиковый стаканчик с ледяной водой. Казалось, ничто не должно было измениться, но тем не менее что-то изменилось. Ошеломляющая разница температур, знакомое постукивание кубиков льда, зрительный контакт... Ученики по-прежнему теснились вокруг, но они вновь сделались обычными мальчишками. А музыка превратилась в обычные звуки школьного оркестра, исполнявшего новую пьесу в невероятно жаркий день.

– Вот и отлично, – сказал Генри. – У нас сегодня вечеринка в тогах, Ричард. В Личфилд-Хаус. Приводи друзей и свою девочку-невесту.

Потом Генри ушел, и там, где он только что стоял, захлопали крыльями вороны.

13

Адам думал, что ему что-то попало в глаз. Неприятное ощущение возникло, когда он стоял в невероятно душном театре. Не столько раздражение, сколько усталость, как будто он слишком долго смотрел на экран. Адам мог бы дотерпеть до конца дня, если бы ощущение не усиливалось, но постепенно перед глазами всё слегка поплыло. Само по себе это было не страшно, но в сочетании с тем, что он буквально чувствовал свой глаз, Адам решил, что надо на него взглянуть.

Вместо того чтобы зайти в один из учебных корпусов, он спустился по лестнице к боковому выходу из театра. Там, в помещении под сценой, находились уборные; Адам шагнул туда, минуя вереницы старых стульев, похожие на многоногих животных, странные силуэты картонных деревьев и бездонные океаны черной ткани, которая висела повсюду. Коридор был темный и тесный, с кошмарными стенами, покрытыми облупившейся зеленой краской; Адаму, который шел, прикрыв один глаз рукой, он казался искаженным и жутковатым. Он снова припомнил свои бегающие пальцы.

Он подумал: нужно пообщаться с Кабесуотером и выяснить, что произошло с тем деревом.

Свет в душевой был выключен. Вроде бы пустяки – выключатель находился прямо за дверью, – но тем не менее Адаму не хотелось совать руку в темноту. Он стоял в коридоре, и его сердце билось слегка учащенно. Он оглянулся.

Коридор был темный, тесный, пустой, залитый болезненным флуоресцентным светом. Тени сливались с занавесом. Широкие черные полосы соединяли между собой все предметы.

«Включи свет», – подумал Адам.

Свободной рукой – той, что не закрывала глаз, – он потянулся за порог.

Он сделал это быстро – пальцы пронзили холод и тьму, что-то нащупали...

Нет, это была лоза Кабесуотера, и всего лишь у него в голове. Адам протянул руку мимо нее и включил свет.

В душевой было пусто.

Конечно, пусто. Конечно, пусто. Конечно, пусто.

Две старые кабинки, с перегородками из зеленой фанеры (никакого кода доступа, никаких представлений о нормальной гигиене). Писсуар. Раковина с желтым кольцом вокруг слива. Зеркало.

Адам встал перед зеркалом, прикрывая глаз рукой, и посмотрел на свое худое лицо. Почти бесцветная бровь была тревожно вздернута. Опустив руку, Адам взглянул на себя еще раз. Никакого покраснения он не заметил. Глаз не слезился. Он...

Адам прищурился. Он слегка косил? Или как это называется, когда глаза у человека не смотрят в одном направлении?

Адам моргнул.

Нет, всё нормально. Это холодный зеленый свет сыграл с ним шутку. Он придвинулся ближе, чтобы посмотреть, нет ли красноты в уголке.

Глаз определенно косил.

Адам моргнул – косоглазие исчезло. Моргнул – и оно появилось. Оно напоминало скверный сон – не кошмар, а просто неприятный сон, когда собираешься надеть носки и вдруг понимаешь, что они не налезают тебе на ноги.

Пока он рассматривал себя в зеркало, левый глаз вдруг, независимо от своего соседа, медленно обратился к полу.

Картинка поплыла и вновь прояснилась, когда правый глаз взял управление на себя. Адам дышал неровно. Он и так уже оглох на одно ухо. Он не мог лишиться еще и зрения на один глаз. В этом тоже был виноват отец? Какое-то отсроченное последствие удара по голове?

Глаз медленно закачался, как стеклянный шарик в банке с водой. В животе у Адама возникло ощущение ужаса.

Ему показалось, что тень одной из кабинок изменилась.

Он обернулся. Ничего. Ничего.

«Кабесуотер, ты со мной?»

Адам снова повернулся к зеркалу. Теперь левый глаз медленно двигался кругами, назад и вперед, вверх и вниз.

У Адама всё сжалось в груди.

Глаз смотрел на него.

Адам, спотыкаясь, отступил от зеркала и захлопнул глаз рукой. Спиной он врезался в противоположную стену и застыл, хватая воздух ртом, напуганный, бесконечно напуганный. В какой помощи он нуждался и к кому мог обратиться?

Тень над кабиной действительно менялась. Из квадратной она становилась треугольной, потому что... о боже... дверь кабинки открывалась.

Длинный коридор, ведущий наружу, казался галереей ужасов. Из кабинки лилась тьма.

Адам сказал:

– Кабесуотер, ты мне нужен.

Тьма растекалась по полу.

Адам думал только о том, что нельзя позволить ей коснуться его. Представлять ее на своей коже было страшнее, чем видеть в зеркале собственный бесполезный глаз.

– Кабесуотер. Защити меня. Кабесуотер!

Послышался звук, похожий на выстрел – Адам метнулся в сторону, – и зеркало раскололось. По другую сторону стекла зажглось неизвестно откуда взявшееся солнце. К стеклу прижимались листья, словно к окну. Лес шептал и шипел в глухом ухе Адама, вынуждая его искать проход для Кабесуотера.

В нем вспыхнула благодарность, которую было так же трудно вынести, как и страх. Если сейчас с ним что-нибудь случится, по крайней мере, он будет не один.

«Вода, – сказал Кабесуотер. – Вода, вода, вода».

Добравшись до раковины, Адам открыл кран. Оттуда хлынула вода, пахнувшая дождем и камнями. Он протянул руку и сунул в сливное отверстие затычку. Похожая на чернила тьма текла к нему, она уже почти достигла ботинок.

«Не давай ей коснуться тебя...»

Он вскарабкался на раковину в ту секунду, когда тьма достигла подножия стены. Адам знал, что она полезет за ним. Но тут наконец вода наполнила раковину до краев и хлынула на пол. Беззвучная, бесцветная, она смыла черноту и понесла ее к сливному отверстию в полу. Остался только обычный светлый бетон.

Даже после того как тьма исчезла, Адам ждал еще целую минуту. Вода лилась, и у него промокли ботинки. Потом он слез с раковины, набрал пахнущую землей воду в ладони и плеснул себе в лицо, на левый глаз. Снова и снова, еще и еще, еще и еще, пока не прошла усталость. Пока он не перестал ощущать собственный глаз. Когда Адам посмотрел в зеркало, это был всего лишь глаз. Всего лишь его лицо. Не было ни второго солнца, ни жутко катающегося зрачка. Капли рек Кабесуотера висели на ресницах Адама. Кабесуотер бормотал и стонал, внутри Адама разворачивались лозы, в глазах пятнами вспыхивал свет, камни прижимались к ладоням...

Кабесуотеру понадобилось слишком много времени, чтобы прийти на помощь. Всего лишь пару недель назад с крыши на голову Адаму свалилась груда шифера, и Кабесуотер мгновенно бросился на выручку. Случись это сегодня, Адам бы погиб.

Лес шептал ему что-то на языке, который представлял собой смесь образов и слов, и Адам понял, почему Кабесуотер так медлил.

Что-то напало на них обоих.

14

Как верно заметила Мора, временное исключение – это не каникулы, поэтому вечером Блу, как обычно, отправилась в «Нино». Хотя солнце на улице жарило изо всех сил, в ресторане царил странный полумрак – из-за грозowych туч, висящих на западе. Под столиками с металлических ножками лежали серые бесформенные тени; трудно было понять, пора включать лампы, висевшие над каждым столиком, или еще нет. Впрочем, решение могло и подождать: в ресторане не было ни души.

Поскольку ничто не занимало мыслей девушки, кроме выметания пармезана из углов, Блу думала про Ганси, который пригласил ее на сегодняшнюю вечеринку в тогах. Как ни странно, Мора настоятельно посоветовала ей пойти. Блу сказала, что вечеринка в Агленби противоречит всем ее убеждениям. Мора уточнила: «Ученики частной школы, которые используют случайные куски ткани, чтобы смастерить себе костюм? По-моему, твоим нынешним убеждениям это вполне соответствует».

Шух, шух. Блу агрессивно мела пол. Она чувствовала, что склоняется к самоанализу, и ей это не нравилось.

На кухне засмеялся менеджер. Со звуком электрогитары в зале мешалась негармоничная громохочущая музыка: он вместе с поварами смотрел видео на телефоне. Послышался громкий звон колокольчика – дверь ресторана открылась. К удивлению Блу, вошел Адам. Он подозрительно взглянул на пустые столы. Как ни странно, выглядел он настоящим замарашкой: брюки мятые и заляпанные грязью, белая рубашка в пятнах и местами мокрая.

– Кажется, мы хотели созвониться попозже, – напомнила Блу.

Она окинула его взглядом. В норме Адам был одет безупречно.

– Ты в порядке?

Адам сел на стул и осторожно потрогал левое веко.

– Я вспомнил, что после школы у меня еще веса и открытия. Я не хотел заставлять тебя ждать. Э... дополнительные физкультура и естествознание.

Блу вместе со шваброй подошла к нему.

– Ты не ответил, всё ли в порядке.

Он раздраженно провел пальцами по сырому пятну на рукаве.

– Кабесуотер. С ним что-то происходит. Не знаю. Я должен что-то сделать. И, видимо, мне нужен кто-то, чтобы присмотрел за мной. Что ты делаешь сегодня вечером?

– Мама говорит, что я иду на вечеринку в тогах. А ты?

Голос Адама источал презрение.

– Я не пойду на вечеринку к Генри Ченю. Нет.

Генри Чень. Во всей этой истории появилось чуть больше смысла. На диаграмме Венна, где один кружок содержал слова «вечеринка в тогах», а другой – «Генри Чень», Ганси, скорее всего, оказался бы в зоне пересечения. На Блу вновь нахлынули смешанные чувства.

– Что у вас такое с Генри Ченем? И – ты хочешь пиццу? Кто-то ошибся при заказе, и мы получили угощение.

– Ты же его видела. У меня на это просто нет времени. И – да, хочу.

Блу принесла пиццу. Она сидела напротив Адама, пока тот уплетал ее как можно вежливее. По правде говоря, только когда Адам пришел в «Нино», Блу вспомнила, что они условились созвониться, чтобы поговорить про Ганси и Кабесуотер. После семейного обсуждения в ванной у нее определенно закончились идеи. Девушка признала:

– Честно, я понятия не имею, что делать с Ганси, кроме как найти Глендауэра. И я не знаю, каким должен быть следующий шаг.

Адам сказал:

– Мне сегодня тоже некогда было много думать об этом, потому что... – Он снова указал на свою мятую форму, хотя Блу не поняла, что он имел в виду – Кабесуотер или школу. – Поэтому идей у меня нет. Есть только вопрос. Как ты думаешь, Ганси может приказать Глендауэру появиться?

И от этого вопроса у Блу всё перевернулось в животе. Не то чтобы она не задумывалась о силе приказа Ганси, но его сверхъестественно властный голос находился так близко к его обычному командному тону, что иногда было трудно убедить себя, что это не глюк. И даже когда девушка признавала, что ситуация и правда необычная – например, когда Ганси несомненно волшебным образом расточил мнимых Блу во время последней поездки в Кабесуотер, – тем не менее всё равно было трудно думать об этом в магическом ключе. Знание о способностях Ганси ускользало, притворялось чем-то нормальным. Впрочем, теперь, если Блу задумывалась об этом всерьез, то понимала, что это во многом походило на исчезновения и появления Ноя, ну, или на магическую логику существования Авроры, проходившей сквозь камень. Сознание с радостью позволило Блу поверить, что в этом нет ничего волшебного, кое-как убедить себя, что это просто типичное поведение Ганси.

– Не знаю, – сказала Блу. – Если так, разве он уже не попытался бы вызвать Глендауэра?

– Честно говоря... – начал Адам и замолчал. У него изменилось лицо. – Ты пойдешь на вечеринку?

– Наверное, да... – И тут Блу с опозданием поняла, что этот вопрос значил нечто большее, чем слова, которые она услышала. – Я же говорю – мама сказала мне, что я должна, ну и...

– С Ганси.

– Да. И с Ронаном, если он пойдет.

– Ронан не пойдет к Генри.

Блу осторожно произнесла:

– В таком случае – да, очевидно, с Ганси.

Адам нахмурился, глядя на собственную руку. Он не торопился, взвешивал слова, испытывал их, прежде чем сказать:

– Знаешь, когда я впервые познакомился с Ганси, я не мог понять, почему он дружит с таким человеком, как Ронан. Ганси всегда посещал уроки, выполнял задания, был любимчиком учителей. А Ронан... он же как непрекращающийся сердечный приступ. Я понимал: глупо жаловаться только потому, что я не успел первым. А Ронан успел. Но однажды он выкинул что-то совершенно идиотское, даже не помню что, и я просто не смог с этим смириться. Я спросил у Ганси, почему он с ним дружит, если Ронан всё время ведет себя как полный кретин. И Ганси сказал, что Ронан никогда не врет, а правда – это самое важное.

Блу без труда представила Ганси, говорящего эти слова.

Адам посмотрел на Блу и буквально приковал ее к месту взглядом. Ветер бросал листья о стекло.

– И я хочу знать, почему вы не желаете сказать мне правду... о том, что между вами происходит.

И тут в животе у нее всё перевернулось в другую сторону. «Между вами». Между ней и Ганси. Ганси и ней. Блу десятки раз представляла себе этот разговор. Бесконечные вариации на тему того, как она заговорит с Адамом, как он отреагирует, чем всё кончится.

Она могла это сделать. Она была готова.

Нет, не была.

– Между нами? – неуклюже переспросила Блу.

Выражение лица Адама – если только это было возможно – сделалось еще презрительнее, чем в ту секунду, когда речь зашла о Генри Чене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.